

АЛЕКСАНДР
СОЛЖЕНИЦЫН

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

ЧАСТЬ I
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Собрание сочинений в 30 томах

Александр Солженицын

**Двести лет вместе. Часть I.
В дореволюционной России**

«WebKniga»

2000

Солженицын А. И.

Двести лет вместе. Часть I. В дореволюционной России /
А. И. Солженицын — «WebKniga», 2000 — (Собрание сочинений
в 30 томах)

ISBN 978-5-9691-1375-6

В 26 томе Собрания сочинений публикуется первая часть исследования «Двести лет вместе (1795–1995)» (впервые: М.: Русский мир, 2001), посвященная русско-еврейским отношениям «в дореволюционной России». Автор характеризует и анализирует менявшееся положение евреев в Российской империи, выделяя особо важные исторические моменты (эпоха Великих реформ, первая русская революция, Первая мировая война). В поле зрения Солженицына входят политика верховной власти, отношение к евреям русской общественности, роль евреев в развитии капитализма, их участие в революционном движении, начало и распространение сионизма в России, трагедия погромов, борьба за отмену черты оседлости и других ограничительных норм. Цель исследования сформулирована в предисловии: «Поиск всех точек единого понимания и всех возможных путей в будущее, очищенных от горечи прошлого... Искренно стараюсь понять обе стороны. Для этого – погружаюсь в события, а не в полемику. Стремлюсь показать».

ISBN 978-5-9691-1375-6

© Солженицын А. И., 2000

© WebKniga, 2000

Содержание

Вход в тему	6
Круг рассмотрения	8
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Солженицын
Двести лет вместе
1795–1995

Часть I. В дореволюционной России

© А. И. Солженицын, наследники, 2015

© Н. Д. Солженицына, составление, 2015

© «Время», 2015

* * *

Вход в тему

Сквозь полвека работы над историей российской революции я множество раз соприкасался с вопросом русско-еврейских взаимоотношений. Они то и дело клином входили в события, в людскую психологию и вызывали накалённые страсти.

Я не терял надежды, что найдётся прежде меня автор, кто объёмно и равновесно, обоесторонне осветит нам этот калёный клин. Но чаще встречаем укоры односторонние: либо о вине русских перед евреями, даже об извечной испорченности русского народа, – этого с избытком. Либо, с другой стороны: кто из русских об этой взаимной проблеме писал – то большей частью запальчиво, переклонно, не желая и видеть, что бы зачесть другой стороне в заслугу.

Не скажешь, что не хватает публицистов, – особенно у российских евреев их намного, намного больше, чем у русских. Однако при всём блистательном наборе умов и перьев – до сих пор не появился такой показ или освещение взаимной нашей истории, который встретил бы понимание с обеих сторон.

Но надо научиться не натягивать до звона напряжённых нитей переплетения.

Рад бы я был не пытаться своих сил ещё на такой остроте. Но я верю, что эта история – попытка вникнуть в неё – не должна оставаться «запрещённой».

История «еврейского вопроса» в России (и только ли в России?) в первую очередь *богата*. Писать о ней – значит услышать самому новые голоса и донести их до читателя. (В этой книге еврейские голоса прозвучат много обильнее, нежели русские.)

Но, по порывам общественного воздуха, – получается чаще: как идти по лезвию ножа. С *двух* сторон ощущаешь на себе возможные, невозможные и ещё нарастающие упрёки и обвинения.

Чувство же, которое ведёт меня сквозь книгу о 200-летней совместной жизни русского и еврейского народов, – это поиск всех точек единого понимания и всех возможных путей в будущее, очищенных от горечи прошлого.

Как и все другие народы, как и все мы, еврейский народ – и активный субъект истории, и страдательный объект её, а нередко выполнял, даже и неосознанно, крупные задачи, навязанные Историей. «Еврейский вопрос» трактовался с многоположных точек зрения всегда страстно, но часто и самообманно. А ведь события, происходившие с любым народом в ходе Истории, – далеко не всегда определялись им одним, но и народами окружающими.

Слишком повышенная горячность сторон – унизительна для обеих. Однако не может существовать земного вопроса, негодного к раздумчивому обсуждению людьми. Увы, накапливались в народной памяти взаимные обиды. Однако если замалчивать происшедшее – то когда излечим память? Пока народное мнение не найдёт себе ясного пера – оно бывает гул неразборчивый, и хуже угрозно.

От минувших двух столетий уже не отвернуться наглухо. И – планета же стала мала, и в любом разделении – мы опять соседи.

Я долго откладывал эту книгу и рад бы не брать на себя тяжесть её писать, но сроки моей жизни на исчерпе, и приходится взяться.

Никогда я не признавал ни за кем права на сокрытие того, что было. Не могу звать и к такому согласию, которое основывалось бы на несправедном освещении прошлого. Я призываю обе стороны – и русскую, и еврейскую – к терпеливому взаимопониманию и признанию своей доли греха, – а так легко от него отвернуться: да это же не *мы*...

Искренно стараюсь понять обе стороны. Для этого – погружаюсь в события, а не в полемику. Стремлюсь *показать*. Вступаю в споры лишь в тех неотклонимых случаях, где справедливость покрыта наслоениями неправды. Смею ожидать, что книга не будет встречена гневом

крайних и непримиримых, а наоборот, сослужит взаимному согласию. Я надеюсь найти доброжелательных собеседников и в евреях, и в русских.

Автор понимает свою конечную задачу так: посильно разглядеть для будущего взаимодоступные и добрые пути русско-еврейских отношений.

1995

* * *

Эту книгу я писал, исходя лишь из велений исторического материала и поиска доброжелательных решений на будущее. Но надо и не упускать из виду: за последние годы состояние России столь крушительно изменилось, что исследуемая проблема сильно отодвинулась и померкла сравнительно с другими нынешними российскими.

2000

Круг рассмотрения

Какие могут быть границы у этой книги?

Я отдаю себе отчёт во всей сложности и огромности предмета. Понимаю, что у него есть и метафизическая сторона. Говорят даже, еврейскую проблему можно понять только и исключительно в религиозном и мистическом плане. Наличие такого плана я несомненно признаю, но, хотя о том написаны уже многие книги, – думаю, он скрыт от людей и принципиально недоступен даже знатокам.

Однако и *все* основные судьбы человеческой истории конечно имеют мистические связи и влияния – но это не мешает нам рассматривать их в плане историко-бытийном. И вряд ли верховое освещение всегда обязательно для рассмотрения осязаемых, близких к нам явлений. В пределах нашего земного существования мы можем судить и о русских, и о евреях – земными мерками. А небесные оставим Богу.

Я хочу осветить вопрос – в исторических, политических, бытовых и культурных отношениях только, – и почти только в пределах совместной двухвековой жизни русских и евреев в одном государстве. Я и думать не смею касаться четырёх-трёхтысячелетней глубины еврейской истории, уже внушительно наслоенной в стольких книгах и в бережных энциклопедиях. Не берусь я рассматривать историю евреев и в самых близких к нам странах – Польше, Германии, Австро-Венгрии. Я сосредоточиваюсь на русско-еврейских отношениях, притом с перевесом на XX век, знаменательный и катастрофичный в жизни обоих наших народов. На трудном взаимном опыте нашего сосуществования, и с попыткой рассеять непонимание ошибочное и обвинения ложные, а напомнить и об обвинениях справедливых. Книги, напечатанные в первые десятилетия этого века, уже и сильно не успели в охвате этого опыта.

Конечно, современный автор не может при том упустить из виду уже полувековое существование государства Израиль и огромное влияние его на еврейскую, и не только еврейскую, жизнь во всём мире. Не может, хотя бы для объёмности собственного понимания, не попытаться для себя самого сколько-то вникнуть и во внутреннюю жизнь Израиля и духовные направления в нём, – а тогда невольно, боковыми отблесками, это может отразиться и в книге. Было бы непомерной претензией со стороны автора включать сюда основательное рассмотрение принципиальных вопросов сионизма и жизни Израиля. Однако я большое внимание придаю публикациям современных культурных российских евреев, проживших десятилетия в СССР, затем переехавших в Израиль и, таким образом, имевших случай переобмыслить на своём опыте многие еврейские проблемы.

Часть I

В дореволюционной России

Глава 1

Включая XVIII век

В этой книге не рассматривается пребывание евреев в России прежде 1772 года. Мы ограничимся здесь лишь несколькими страницами напоминания о более древнем периоде.

Первым русско-еврейским пересечением можно было бы счесть войны Киевской Руси с хазарами – но это не вполне точно, ибо хазары имели только верхушку из иудейского племени, а сами были турки, принявшие иудейское вероисповедание.

Если следовать изложению солидного еврейского автора уже середины нашего века Ю. Д. Бруцкуса, какая-то часть евреев из Персии через Дербентский проход переместилась на нижнюю Волгу, где с 724 после Р. Х. выросла Итиль – столица хазарского каганата¹. Племенные вожди тюрко-хазаров (ещё тогда идолопоклонников²) не желали мусульманства, чтобы не подчиняться багдадскому халифу, ни христианства – чтоб избежать опеки и византийского императора; и оттого около 732 племя перешло в иудейскую религию. – Само собой была еврейская колония и в Боспорском царстве (Крым, Таманский полуостров), куда император Адриан переселил еврейских пленников в 137, после подавления Бар-Кохбы. Впоследствии еврейское население в Крыму устойчиво держалось и под готами, и под гуннами, и особенно Кафа (Керчь) сохранялась еврейской. – В 933 князь Игорь брал, на время, Керчь, Святослав же Игоревич отвоевал от хазаров Придонье. В 969 руссы уже владели всем Поволжьем, с Итилем, и русские корабли появлялись у Семендера (дербентское побережье). – Остатки хазаров – это кумыки на Кавказе, а в Крыму они вместе с половцами составили крымско-татар. (Караимы и еврей-крымчаки, однако, не перешли в магометанство.) – Добил хазаров Тамерлан.

Впрочем, ряд исследователей полагает (точных доказательств нет), что в каком-то объёме евреи переместились в западном и северо-западном направлении через южно-русское пространство. Так, востоковед и семитолог Аврахам Гаркави пишет, что еврейская община в будущей России «была образована евреями, переселившимися с берегов Чёрного моря и с Кавказа, где жили их предки после ассирийского и вавилонского пленений»³. К этому взгляду близок и Ю. Д. Бруцкус. (Есть мнение и: что это – остатки тех «пропавших» десяти колен Израиля.) Такое движение, может быть, доканчивалось ещё и после падения Тмутаракани (1097) от половцев. – По мнению Гаркави, разговорным языком этих евреев, по крайней мере с IX века, был славянский, и только в XVII веке, когда украинские евреи бежали от погромов Хмельницкого в Польшу, языком их стал идиш, каким говорили евреи в Польше.

Разными путями евреи попадали и в Киев и оседали там. Уже при Игоре нижняя часть города называлась Козары; сюда Игорь добавил в 933 пленных евреев из Керчи. Потом прибывали пленные евреи в 965 из Крыма, в 969 – *козары* из Итиля и Семендера, в 989 – из Корсун (Херсонеса), в 1017 из Тмутаракани. Появлялись в Киеве и западные евреи: в связи с караван-

---

¹ Ю. Бруцкус. Истоки русского еврейства // Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. (далее – ЕМ–1). Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 17–23.

² Еврейская Энциклопедия (далее – ЕЭ): В 16 т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1906–1913. Т. 15, с. 648.

³ Краткая Еврейская Энциклопедия (далее – КЕЭ): [В 10 т.]. Иерусалим, 1976–2001. Т. 2, с. 40.

ной торговлей Запад – Восток, а может быть, с конца XI века, и от преследований в Европе при первом крестовом походе⁴.

Также и более поздние исследователи подтверждают хазарское происхождение «иудейского элемента» в Киеве XI века. Даже ранее: на рубеже IX–X веков в Киеве отмечено наличие «хазарской администрации и хазарского гарнизона». А уж «в первой половине XI в. еврейский и хазарский элемент в Киеве... играл значительную роль»⁵. Киев IX–X веков был многонационален и этнически терпим.

Таким образом, в конце X века, к моменту выбора Владимиром новой веры для руссов – не было недостатка евреев в Киеве, и нашлись из них учёные мужи, предлагавшие иудейскую веру. Но выбор произошёл иначе, чем в Хазарии за 250 лет до того. Карамзин перелагает так: «Выслушав иудеев, [Владимир] спросил: где их отечество? – „В Иерусалиме“, – ответствовали проповедники, – „но Бог во гневе своём расточил нас по землям чуждым“. – „И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других?“ – сказал Владимир. – „Мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества“»⁶. – После крещения Руси, добавляет Бруцкус, приняла христианство и часть козарских евреев в Киеве; и даже: из них? – был затем, в Новгороде, один из первых на Руси христианский епископ и духовный писатель – Лука Жидята⁷.

Сосуществование христианской и иудейской религии в Киеве не могло не привести учёных мужей к напряжённому сопоставлению их. В частности, это родило знаменательное в русской литературе «Слово о Законе и Благодати» (сред. XI в.): утверждение христианского самосознания у русских на века вперёд. «Полемика здесь так свежа и жива, как она представляется в посланиях апостольских»⁸. Ведь это был всего лишь первый век христианства на Руси. Тогдашних русских неопитов иудеи остро интересовали именно по размышлениям религиозным – а в Киеве как раз и были возможности контактов. Этот интерес был выше, чем при новом потом соседстве с XVIII века.

Затем больше столетия евреи интенсивно участвовали в обширной торговой деятельности Киева. «В новых городских стенах (закончены в 1037) имелись Жидовские ворота, к которым примыкал еврейский квартал»⁹. Евреи Киева не встречали ограничений или враждебности от князей и даже имели покровительство их, особенно Святополка Изяславича, так как торговля и предпринимательство евреев были выгодны для казны.

В 1113, когда, после смерти Святополка, Владимир Мономах всё ещё, из совести, колебался занять киевский престол ранее Святославичей, – «мятежники, пользуясь безначалием, ограбили дом Тысячского... и всех Жидов, бывших в столице под особенным покровительством корыстолюбивого Святополка... Причиной Киевского мятежа было, кажется, лихоимство Евреев: вероятно, что они, пользуясь тогдашнею редкостью денег, угнетали должников неумеренными ростами»¹⁰. (Есть указания, например в «Уставе» Мономаха, что киевские ростовщики брали до 50 % годовых.) При том Карамзин ссылается и на летописи, и на добавление В. Н. Татищева. У Татищева же находим: «Потом Жидов многих побили и дома их разграбили за то, что сии многии обиды и в торгах христианом вред чинили. Множество же их, собрався к их Синагоге, огорожаясь, оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Вла-

⁴ ЕЭ, т. 9, с. 516.

⁵ В. Н. Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре: В 2 т. М., 1995–1998. Т. I, с. 283–286, 340.

⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского (далее – Н. М. Карамзин): В 12 т. 5-е изд. СПб.: Эйнерлинг, 1842–1844. Т. 1, с. 127; см. также: С. М. Соловьёв. История России с древнейших времён (далее – С. М. Соловьёв): В 15 кн. М.: Изд-во соц. – эконом. литературы, 1962–1966. Кн. 1, с. 181. (Здесь и далее мы по возможности сохраняем орфографию и пунктуацию источника.)

⁷ Ю. Бруцкус. Истоки русского еврейства // ЕМ–1, с. 21–22; ЕЭ, т. 7, с. 588.

⁸ В. Н. Топоров. Святость и святые... Т. 1, с. 280.

⁹ КЕЭ, т. 4, с. 253.

¹⁰ Н. М. Карамзин, т. 2, с. 87, 89.

димирова». А после его прихода киевляне «просили его всенародно о управе на Жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть... Они же многих прельстили в их закон»¹¹.

По мнению М. Н. Покровского, киевский погром 1113 носил социальный, а не национальный характер. (Правда, приверженность к социальным толкованиям этого «классового» историка хорошо известна.)

Владимир, заняв киевский престол, так отвечал жалобщикам: «Понеже их [Жидов] всюду в разных княжениях вошло и населилось много и мне не пристойно без совета князей, паче же и противу правости... на убивство и грабление их позволить, где могут многие невинные погинуть. Для того немедленно созову князей на совет»¹². На совете принят был закон об ограничении ростов, который Владимир включил в Устав Ярославов. А Карамзин, следуя Татищеву, сообщает, что по решению совета Владимир «выслал всех Жидов; что с того времени *не было* их в нашем отечестве». Но тут же оговаривается: «В летописях напротив того сказано, что в 1124 году [в большой пожар] *погорели Жиды в Киеве*: следственно их не выгнали»¹³. (Бруцкус поясняет, что это был «в лучшей части города целый квартал... у Жидовских ворот рядом с Золотыми Воротами»¹⁴.)

По крайней мере один еврей был в доверии у Андрея Боголюбского во Владимире. «В числе приближённых к Андрею находился также какой-то Ефрем Моизич, которого отчество – Моизич, или Моисеевич, указывает на жидовское происхождение», и он, по словам летописца, был среди зачинщиков заговора, которым был убит Андрей¹⁵. Но есть и такая запись, что при Андрее Боголюбском «приходили из Волжских областей много Болгар и Жидов и принимали крещение», а после убийства Андрея сын его Георгий сбежал в Дагестан к еврейскому князю¹⁶.

Вообще же по периоду Суздальской Руси сведения о евреях скудны, как, очевидно, и их численность там.

Еврейская Энциклопедия отмечает, что в русском былевом эпосе «„Иудейский Царь“ является... излюбленным общим термином для выражения врага христианской веры», как и Богатырь-Жидовин в былинах об Илье и Добрыне¹⁷. Здесь могут быть и остатки воспоминаний о борьбе с Хазарией. И тут же проступает религиозная основа той враждебности и отгораживания, с какою евреев не допускали в Московскую Русь.

С нашествия татар прекратилась оживлённая торговая деятельность в Киевской Руси, и многие евреи, видимо, ушли в Польшу. (Впрочем, еврейские поселения на Волыни и в Галиции сохранились, мало пострадав от татарского нашествия.) Энциклопедия сообщает: «Во время нашествия татар (1239), разрушивших Киев, пострадали также евреи, но во второй половине 13 в. они приглашались великими князьями селиться в Киеве, находившемся под верховным владычеством татар. Пользуясь вольностями, предоставленными евреям и в других татарских владениях, киевские евреи вызвали этим ненависть к себе со стороны мещан»¹⁸. Подобное происходило не только в Киеве, но и в городах Северной России, куда при татарском господстве открылся «путь многим купцам Бесерменским, Харазским или Хивинским, издревле опытным в торговле и хитростях корыстолюбия: сии люди откупали

¹¹ В. Н. Татищев. История Российская: В 7 т. М.; Л.: АН СССР, 1962–1966. Т. 2, с. 129.

¹² В. Н. Татищев. История Российская: В 7 т. М.; Л.: АН СССР, 1962–1966. Т. 2, с. 129*. (Здесь и далее в случаях, когда цитата приводится не по оригиналу, цитируемый источник снабжается знаком*.)

¹³ Н. М. Карамзин, Т. 2, Примечания, с. 89.

¹⁴ Ю. Бруцкус. Истоки русского еврейства // ЕМ–1, с. 23.

¹⁵ С. М. Соловьёв, кн. 1, с. 546.

¹⁶ Ю. Бруцкус. Истоки русского еврейства // ЕМ–1, с. 26.

¹⁷ ЕЭ, Т. 9, с. 5.

¹⁸ ЕЭ, Т. 9, с. 517.

у Татар дань наших Княжений, брали неумеренные росты с бедных людей и, в случае неплатежа объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю. Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли наконец из терпения и единодушно восстали, при звуке Вечевых колоколов, на сих злых лихоимцев: некоторых убили, а прочих выгнали»¹⁹. В наказание восставшим грозил приход карательной армии от хана, предотвращённый посредничеством Александра Невского. — «В документах 15 в. упоминаются киевские евреи — сборщики податей, владевшие значительным имуществом»²⁰.

«Движение евреев из Польши на Восток», в том числе и в Белоруссию, «замечается и в 15 в.: встречаются откупщики таможенных и других сборов в Минске, Полоцке», Смоленске, но ещё не создаётся там их оседлая общинная жизнь. А после короткого изгнания евреев из Литвы (1495) «движение на Восток возобновилось с особой энергией в начале 16 в.»²¹.

Проникновение же евреев в Московскую Русь было самым незначительным, хотя приезде извне «влиятельных евреев в Москву не чинили тогда препятствий»²². Но в конце XV века у самого центра духовной и административной власти на Руси происходят как будто и негромкие события, однако могшие повлечь за собой грозные волнения или глубокие последствия в духовной области. Это так называемая «ересь жидовствующих». По выражению противоборца ей Иосифа Волоцкого: «Благочестивая земля Русская не видала подобного соблазна от века Ольгина и Владимирова»²³.

Началось это, по Карамзину, так: приехавший в 1470 в Новгород из Киева еврей Схариа «умел обольстить там двух Священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что закон Моисеев есть единый Божественный; что История Спасителя выдумана; что Христос ещё не родился; что не должно поклоняться иконам, и проч. Завелась Жидовская ересь»²⁴. С. Соловьёв добавляет, что Схариа достиг этого «с помощью пятерых сообщников, также Жидов», и что эта ересь была, «как видно, смесь иудейства с христианским рационализмом, отвергавшая таинство Св. Троицы, божество Иисуса Христа»²⁵. После этого «поп Алексей назвал себя Авраамом, жену свою Саррою, и развратил, вместе с Дионисием, многих Духовных и мирян... Но трудно понять, чтобы Схариа мог столь легко размножить число своих учеников Новгородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении Христианства и в прославлении Жидовства... вероятно, что Схариа обольщал Россиян Иудейскою Каббалою, наукою пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых ученых людей... искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Каббалисты хвалились... что они знают все тайны Природы, могут изъяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать Духами...»²⁶.

Напротив, Ю. И. Гессен, еврейский историк XX века, считает, правда не указывая никаких источников: «вполне установлено, что ни в насаждении ереси... ни в её дальнейшем распространении евреи не принимали никакого участия»²⁷. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона утверждает, что «собственно еврейский элемент не играл, кажется, в этом учении особенно видной роли и сводился к некоторым обрядам»²⁸. Современная же ему Еврейская Энциклопедия пишет: «спорный вопрос о еврейском влиянии на секту ныне, после опуб-

¹⁹ Н. М. Карамзин, Т. 4, с. 54–55.

²⁰ КЕЭ, Т. 4, с. 254.

²¹ ЕЭ, Т. 5, с. 165.

²² ЕЭ, Т. 13, с. 610.

²³ Н. М. Карамзин*, Т. 6, с. 121.

²⁴ Н. М. Карамзин*, Т. 6, с. 121.

²⁵ С. М. Соловьёв, кн. 3, с. 185.

²⁶ Н. М. Карамзин, Т. 6, с. 121–122.

²⁷ Ю. Гессен. История еврейского народа в России (далее — Ю. Гессен): В 2 т. Л., 1925–1927. Т. 1, с. 8.

²⁸ Энциклопедический словарь: В 82 т. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1894. Т. 22, с. 943.

ликования „Псалтири жидовствующих“ и других памятников... следует считать решённым в утвердительном смысле»²⁹.

«Новгородские еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными в исполнении всех обязанностей благочестия»³⁰, и это «обратило на них внимание народа и содействовало быстрому распространению ереси»³¹. И когда, после падения Новгорода, Иоанн III посетил его, то обоих начальных еретиков, Алексия и Дионисия, за все достоинства их благочестия в 1480 взял с собой в Москву и возвысил в протоиереи Успенского и Архангельского соборов в Кремле. «С ними перешёл туда и раскол, оставив корень в Новгороде. Алексий снискал особенную милость Государя, имел к нему свободный доступ, и тайным своим учением прельстил» не только нескольких крупных духовных и государственных чинов, но убедил великого князя возвести в митрополиты – то есть во главу всей русской Церкви – из своих обращённых в ересь архимандрита Зосиму. А кроме того, обратил в ересь и Елену, невестку великого князя, вдову Иоанна Младого и мать возможного наследника престола, «внука благословенного» Дмитрия³².

Поразителен быстрый успех и лёгкость этого движения. Они объясняются, очевидно, взаимным интересом. «Когда переводилась на русский язык с еврейского „Псалтырь жидовствующих“ и другие произведения, имеющие целью обольщение неискущённого русского читателя и иногда отчётливо антихристианские, можно было бы думать о заинтересованности в них только евреев и иудаизма». Однако и «русский читатель был заинтересован... в переводах еврейских религиозных текстов», отсюда и – «какой успех имела пропаганда „жидовствующих“ в разных слоях общества»³³. Острота и живость этого контакта напоминает ту, что возникла в Киеве в XI веке.

Однако архиепископ новгородский Геннадий около 1487 раскрыл ересь, прислал в Москву несомненные её доказательства и продолжал розыск и обличение ереси до тех пор, пока для её разбора не был собран в 1490 Церковный Собор (под вождением только что поставленного митрополитом Зосимы). «С ужасом слушали Геннадиеву обвинительную грамоту... что сии отступники злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы болванами, *грызут оныя зубами*, повергают в места нечистые, не верят ни Царству Небесному, ни воскресению мертвых и, безмолвствуя при усердных Христианах, дерзостно развращают слабых»³⁴. «Из [соборного] приговора видно, что жидовствующие не признавали Иисуса Христа Сыном Божиим... учили, что Мессия ещё не явился... почитали ветхозаветную субботу „паче Воскресения Христова“»³⁵. На Соборе предлагали казнить еретиков – но волею Иоанна III их осудили на заточение, а ересь прокляли. «Такое наказание по суровости века и по важности разврата было весьма человеколюбиво»³⁶. Историки единодушно объясняют эту сдержанность Иоанна тем, что ересь уже завелась под его собственной крышей, её приняли «люди известные, могущественные по своему влиянию», в том числе «славный своею грамотностью и способностями» Иоаннов всесильный дьяк (как бы иностранных дел министр) Фёдор Курицын³⁷. «Станный либерализм Москвы проистекал от временной „диктатуры сердца“ Ф. Курицына. Чарами его секретного салона увлекался сам великий князь и его невестка... Ересь не только не замирала, но... пышно цвела и распространялась... При мос-

²⁹ ЕЭ, т. 7, с. 577.

³⁰ Н. М. Карамзин, т. 6, с. 122.

³¹ С. М. Соловьёв, кн. 3, с. 185.

³² Н. М. Карамзин, т. 6, с. 120–123.

³³ В. Н. Топоров. Святость и святые... т. 1, с. 357.

³⁴ Н. М. Карамзин, т. 6, с. 123.

³⁵ ЕЭ, т. 7, с. 580.

³⁶ Н. М. Карамзин, т. 6, с. 123.

³⁷ С. М. Соловьёв, кн. 3, с. 186.

ковском дворе... в моде были астрология и магия, вместе с соблазнами псевдонаучной ревизии всего старого, средневекового мировоззрения», это было широкое «вольнодумство, соблазны просветительства и власть моды»³⁸.

Еврейская Энциклопедия ещё предполагает, что Иоанн III «из политических соображений не выступал против ереси. С помощью Схарии он надеялся усилить своё влияние в Литве», а кроме того, хотел сохранить расположение влиятельных крымских евреев: «князя и владельца Таманьского полуострова Захарии де Гвизольфи» и крымского еврея Хози Кокоса, близкого к хану Менгли-Гирею³⁹.

После Собора 1490 Зосима ещё несколько лет гнездил тайное общество, но был раскрыт и он, и в 1494 великий князь повелел ему, без суда и шума, как бы добровольно удалиться в монастырь. «Ересь, однако, не ослабела: одно время (1498) последователи её едва не захватили в Москве всей власти и ставленник их Димитрий, сын княгини Елены, был венчан на царство»⁴⁰. Но вскоре Иван III помирился с женой Софьей Палеолог, и с 1502 трон наследовал её сын Василий. (А Курицын к тому времени умер.) И еретики после Собора 1504 одни были сожжены, другие заточены, третьи бежали в Литву, «где формально приняли иудаизм»⁴¹.

Отметим, что преодоление ереси «жидовствующих» дало толчок духовной жизни Московской Руси конца XV – начала XVI века, осознанию необходимости духовного просвещения, школ для духовенства, а с именем епископа Геннадия связано собирание и издание на Руси первой церковно-славянской Библии, ещё не существовавшей как единое собрание на православном Востоке. С изобретением книгопечатания «через 80 лет эта самая Геннадиева Библия... напечатана была в Остроге (1580–82 г.), как первопечатная церковно-славянская Библия, и тогда ещё опередившая этим своим появлением весь православный Восток»⁴². Широко обобщает это явление и академик С. Ф. Платонов: «Движение „жидовствующих“ несомненно заключало в себе элементы западно-европейского рационализма... Ересь была осуждена; её проповедники пострадали, но созданное ими настроение критики и скепсиса в отношении догмы и церковного строя не умерло»⁴³.

Современная Еврейская Энциклопедия напоминает «предположение, что резко отрицательное отношение к иудаизму и евреям в Московской Руси, неизвестное там до начала 16 в.», повелось от этой борьбы с «жидовствующими»⁴⁴. По духовным и государственным масштабам события это вполне правдоподобно. Но Ю. И. Гессен оспаривает такое мнение: «знаменательно, что столь специфическая окраска ереси, как „жидовская“, не помешала успеху секты и вообще не возбудила в ту пору враждебного отношения к евреям»⁴⁵.

В эти века, с XIII по XVIII, в соседней Польше создавалась, росла и укреплялась в своём устойчивом быте крупнейшая еврейская община, которой предстояло основать массив будущего российского еврейства, к XX веку главной части еврейства мирового. С XVI века происходило «значительное переселение польских и чешских евреев» на Украину, в Белоруссию и в Литву⁴⁶. В XV веке еврейские купцы из Польско-литовского государства ещё свободно приезжали и в Москву. Но это изменилось при Иоанне Грозном: въезд еврейским купцам был запрещён. А когда в 1550 польский король Сигизмунд-Август потребовал, чтоб им был дозволен свободный въезд в Россию, Иоанн отказал в таких словах: «в свои государства Жидом

³⁸ А. В. Карташев. Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. Париж: YMCA-Press, 1959. Т. I, с. 495, 497.

³⁹ ЕЭ, Т. 13, с. 610.

⁴⁰ ЕЭ, Т. 7, с. 579.

⁴¹ КЕЭ, Т. 2, с. 509.

⁴² А. В. Карташев. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1, с. 505.

⁴³ С. Ф. Платонов. Москва и Запад. Берлин: Обелиск, 1926, с. 37–38.

⁴⁴ КЕЭ, Т. 2, с. 509.

⁴⁵ Ю. Гессен, Т. 1, с. 8.

⁴⁶ Ю. Бруцкус. Истоки русского еврейства// ЕМ–1, с. 28.

никак ездить не велети, занеже в своих государствах лиха никакого видети не хотим, а хотим того, чтобы Бог дал в моих государствах люди мои были в тишине безо всякого смущенья. И ты бы, брат наш, вперёд о Жидех к нам не писал»⁴⁷, они русских людей «от христианства отводили, и отравные зелья в наши земли привозили и пакости многие людям нашим делали»⁴⁸.

Есть легенда, что при взятии Полоцка в 1563, по жалобам русских жителей «на лихие дела и притеснения» от евреев, арендаторов и доверенных у польских магнатов, Иоанн IV приказал всем евреям тут же креститься, а отказавшихся, и будто ровно 300 человек, тут же, при себе, велел утопить в Двине. Но историки тщательные, как, например, Ю. И. Гессен, не только не подтверждают эту версию, хотя бы в ослабленном виде, но даже не упоминают о ней.

Зато он пишет, что при Лжедмитрии I (1605–06) евреи появились в Москве «в большом, сравнительно, числе», как и другие иностранцы. А после конца Смуты было объявлено, что Лжедмитрий II («Тушинский Вор») – «родом Жидовин»⁴⁹. (О происхождении «Тушинского Вора» источники разноречат. Одни утверждают, что это – поповский сын с Украйны Матвей Верёвкин; «или Жид... как сказано в современных бумагах государственных», он «разумел, если верить одному чужеземному историку, и язык Еврейский, читал Талмуд, книги Раввинов», «Сигизмунд послал Жида, который назвался Димитрием Царевичем»⁵⁰.) Из Еврейской Энциклопедии: «Евреи входили в свиту самозванца и пострадали при его низложении. По некоторым сообщениям... Лжедмитрий II был выкрестом из евреев и служил в свите Лжедмитрия I»⁵¹.

После Смуты нахлынувшие за её время польско-литовские люди были в России ограничены в правах, и «польско-литовские евреи должны были в этом отношении разделять судьбу своих сограждан», которым запретили ездить с товарами в Москву и замоскворецкие города⁵². (В договоре московитян с поляками о воцарении Владислава было оговорено: «Не склонять никого в Римскую, ни в другие Веры, и Жидам не въезжать для торговли в Московское Государство»⁵³. А по другим сведениям, евреям – торговым людям после Смуты оставался свободен доступ и в Москву⁵⁴.) «Противоречивые распоряжения указывают на то, что правительство Михаила Фёдоровича не преследовало принципиальной политики по отношению к евреям... относилось более терпимо к евреям»⁵⁵.

«В годы правления Алексея Михайловича встречаются многие данные о пребывании евреев в России – в Уложении не содержится каких-либо ограничений относительно евреев... они имели тогда доступ во все русские города, включая Москву»⁵⁶. По словам Гессена, среди населения, захваченного при русском наступлении на Литву в 30-е годы XVII века, было немало евреев, и «к ним применялись те же правила, какие были установлены для других». После военных действий 50–60-х «в московском государстве вновь появились пленные евреи, к ним отнеслись отнюдь не хуже, чем к прочим пленным». А после Андрусовского мира 1667 евреям «предложили остаться в стране. И многие, как видно, этим воспользовались». Иные

⁴⁷ ЕЭ*, Т. 8, с. 749.

⁴⁸ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 8–9.

⁴⁹ Ю. Гессен, Т. 1*, с. 9. (Если хотя бы одна из цитат, покрываемых ссылкой, приводится не по оригиналу, цитируемый источник снабжается знаком *.)

⁵⁰ Н. М. Карамзин*, Т. 12, с. 35, 36; Примечания, с. 33.

⁵¹ КЕЭ, Т. 7, с. 290.

⁵² Ю. Гессен, Т. 1, с. 9.

⁵³ Н. М. Карамзин*, Т. 12, с. 141.

⁵⁴ И. М. Дижур. Евреи в экономической жизни России // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 156.

⁵⁵ ЕЭ, Т. 13, с. 611.

⁵⁶ ЕЭ, Т. 13, с. 611.

приняли христианство, и «некоторые из пленных явились родоначальниками русских дворянских фамилий»⁵⁷. (Небольшое число крестившихся поселилось в XVII веке и на Дону, в станице Старочеркасской, и около десяти казачьих фамилий произошло от них.) Около того же 1667 англичанин Коллинз писал, что «евреи с недавнего времени размножились в Москве и при дворе», по-видимому при покровительстве придворного врача-еврея⁵⁸.

При Фёдоре Алексеевиче была попытка приказать: «Которые Евреяны впредь приедут с товары утайкою к Москве» – товаров их на таможне не принимать, ибо «Евреян с товары и без товаров из Смоленска пропускать не велено»⁵⁹. Однако «практика не соответствовала... этому теоретическому правилу»⁶⁰.

К ранним годам (1702) царствования Петра, в связи с его манифестом, призывающим в Россию искусных иностранцев, относится его при том оговорка о евреях: «Я хочу... видеть у себя лучше народов Магометанской и языческой веры, нежели Жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложую; не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются, и какближних ко мне ни подкупают»⁶¹.

Однако за всё царствование Петра I нет никаких сведений о стеснениях евреев, не издано ни одного закона, ограничивающего их. Напротив, при общей благожелательности ко всяким иностранцам была широко открыта деятельность и для евреев, а по их возникающей незаменимости находим евреев и в ближайшем доверенном окружении императора: вице-канцлер барон Пётр Шафиров (крупный и плодотворный деятель, но и склонный к мошенничеству, в чём его наказывал при жизни сам Пётр, а после смерти Петра вёл расследование и Сенат⁶²); его двоюродные племянники Абрам Веселовский, весьма приближенный к Петру, Исаак Веселовский; Антон Дивьер, первый генерал-полицеймейстер Петербурга; Вивьер, начальник тайного розыска; шут Акоста и др. В письме к А. Веселовскому Пётр выразил так: «Для меня совершенно безразлично, крещён ли человек или обрезан, чтобы он только знал своё дело и отличался порядочностью»⁶³. Еврейские торговые дома из Германии запрашивали, чтобы русское правительство гарантировало им безопасность торговли с Персией через Россию, но этой гарантии не получили⁶⁴.

В начале XVIII века развили евреи торговую деятельность и в Малороссии, за год до того, как это право получили великороссийские купцы. Гетман Скоропадский несколько раз объявлял указы о выселении евреев, но они не выполнялись, а, напротив, число евреев в Малороссии возрастало⁶⁵.

Екатерина I в 1727, незадолго до смерти, уступая настоянию Меншикова, распорядилась выселить евреев из Украйны (тут «могло иметь значение участие евреев в винных промыслах») и из российских городов. Но это распоряжение если и начало в какой-то мере осуществляться, то не продержалось и года⁶⁶.

В 1728, при Петре II, было разрешено «допущение евреев в Малороссию, как людей полезных для торговли края», сперва как «временное посещение», но, «конечно, временное посещение стало превращаться в постоянное пребывание», нашлись доводы. При Анне это право было распространено в 1731 на Смоленскую губернию, в 1734 – и на Слободскую

⁵⁷ Ю. Гессен, Т. 1, с. 9–10.

⁵⁸ ЕЭ*, Т. 11, с. 330.

⁵⁹ ЕЭ*, Т. 11, с. 330.

⁶⁰ ЕЭ*, Т. 13, с. 612.

⁶¹ С. М. Соловьёв*, кн. 8, с. 76.

⁶² С. М. Соловьёв*, кн. 10, 1963, с. 477.

⁶³ ЕЭ*, Т. 5, с. 519.

⁶⁴ ЕЭ*, Т. 11, с. 330.

⁶⁵ Ю. Гессен, Т. 1, с. 11–12.

⁶⁶ Ю. Гессен, Т. 1, с. 13; ЕЭ, Т. 2, с. 592.

Украину (северо-восточнее Полтавы). Вместе с тем дозволены были евреям к аренде у помещиков, к виноторговле, а в 1736 допустили и поставку евреями водки из Польши также и в казённые кабаки Великороссии⁶⁷.

Следует упомянуть и фигуру финансиста Леви Липмана из Прибалтики. Когда будущая императрица Анна Иоанновна ещё жила в Курляндии, она сильно нуждалась в деньгах, «и возможно, что уже тогда Липман имел случай быть ей полезным». Ещё при Петре он переехал в Петербург. При Петре II он «становится финансовым агентом или ювелиром при русском дворе». При воцарении Анны Иоанновны он получает «крупные связи при дворе» и чин обергофкомиссара. «Имея непосредственные сношения с императрицей, Липман находился в особенно тесной связи с её фаворитом Бироном... Современники утверждали, что... Бирон обращался к нему за советами по вопросам русской государственной жизни. Один из послов при русском дворе писал... можно сказать... что „именно Липман управляет Россией“». Позже эти оценки современников подвергнуты некоторому умалению⁶⁸. Однако Бирон «передал ему [Липману] почти всё управление финансами и различные торговые монополии»⁶⁹. («Липман продолжал исполнять свои функции при дворе и тогда, когда Анна Леопольдовна... сослала Бирона»⁷⁰.)

Не без влияния же остался Липман и на общее отношение Анны Иоанновны к евреям. Хотя в 1730, при вступлении на престол, она в письме к своему послу при гетмане Малороссии и выражала тревогу: «Мы слышим, что малороссийского народа в купечестве обращается самое малое число, но более торгуют Греки, Турки и Жиды»⁷¹ (отсюда ещё раз можно заключить, что высылка 1727 не была реальной), – но так же остались невыполненными и указы Анны – 1739, о запрете евреям аренды земли в Малороссии, и 1740, о высылке оттуда за рубеж около 600 евреев⁷². (Тому, конечно, препятствовали ещё и интересы помещиков.)

Елизавета же, через год по воцарении, издала указ (декабрь 1742): «Во всей нашей империи Жидам жить запрещено; но ныне нам известно учинилось, что оные Жиды ещё в нашей империи, а наипаче в Малороссии, под разными видами жительство своё продолжают, от чего не иного какого плода, но токмо яко от таковых имени Христа Спасителя ненавистников нашим верноподданным крайнего вреда ожидать должно, того для повелеваем: из всей нашей империи всех мужеска и женска пола Жидов со всем их имением немедленно выслать за границу и впредь ни для чего не впускать, разве кто из них захочет быть в христианской вере греческого исповедания»⁷³.

Это была та самая религиозная нетерпимость, которая сотрясала Европу несколько веков подряд. В образе мыслей того времени в ней не заключалась никакая особо русская или исключительно к евреям враждебность. Внутри христиан религиозная нетерпимость проводилась никак не с меньшей жестокостью, – как и в самой России железо-огненное преследование старообрядцев, то есть и вовсе же единоверцев, православных.

Этому указу Елизаветы «была придана широкая огласка. Однако тотчас же были сделаны попытки склонить государыню к уступке». Войсковая канцелярия доносила из Малороссии в Сенат, что вот уже выслано 140 человек, но «запрещение евреям привозить товары повлечёт за собою уменьшение государственных доходов»⁷⁴. И Сенат подал доклад императрице, что «от прошлогоднего указа о недопущении Жидов в империю торговля как в Малороссии, так

⁶⁷ Ю. Гессен, Т. 1, с. 13–15; ЕЭ, Т. 2, с. 592.

⁶⁸ ЕЭ, Т. 10, с. 224–225.

⁶⁹ ЕЭ, Т. 4, с. 591.

⁷⁰ ЕЭ, Т. 10, с. 225.

⁷¹ С. М. Соловьёв, кн. 10, с. 256–257.

⁷² Ю. Гессен, Т. 1, с. 15.

⁷³ С. М. Соловьёв*, кн. 11, с. 155–156.

⁷⁴ Ю. Гессен, Т. 1, с. 16.

и в Остзейских областях потерпела большой ущерб, а вместе с тем потерпит и казна от уменьшения пошлин». Императрица положила в ответ резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли»⁷⁵.

Гессен заключает, что, таким образом, «Россия осталась при Елизавете без евреев»⁷⁶. Еврейский же историк С. Дубнов сообщает, что при Елизавете, как «подсчитал один историк-современник... к 1753 году из России было изгнано 35000 евреев»⁷⁷. Цифра очень уж разнится от неисполненного распоряжения Анны Иоанновны только что, за 3 года перед тем, – выслать со всей Украины около 600 евреев, – и от донесения Сената Елизавете, как о существенной, высылке 142 евреев⁷⁸. В. И. Тельников⁷⁹ высказывает догадку, что историка – *современника* того деяния не было, а тем «историком-современником», которого, ни его труда, Дубнов почему-то не назвал точнее, был Э. Геррман, опубликовавший эту цифру вовсе не временно, а спустя ровно сто лет, в 1853, и опять-таки безо всякой ссылки на источники, да ещё со странным прибавлением, что «евреям было приказано покинуть страну под страхом смертной казни»⁸⁰, выдающим незнание историка (того и другого) даже с тем, что именно Елизавета при восхождении на трон отменила всякую смертную казнь в России (и опять-таки – из чувства религиозного). При том Тельников отмечает, что крупнейший еврейский историк Генрих Грец (Graetz) ничего не пишет об *исполнении* этих указов Елизаветы. Сравним, что и по Г. Слиозбергу в царствование Елизаветы лишь «делались попытки к выселению евреев из Украины»⁸¹.

Скорей надо признать вероятным, что, встретив многочисленные сопротивления и у евреев, и у помещиков, и в государственном аппарате, указ Елизаветы так же остался неисполненным или мало исполненным, как и предыдущие подобные.

Да и при самой Елизавете на видных постах служили евреи. Был возвращён к государственным делам и «осыпан царскими милостями» дипломат Исаак Веселовский, – и он тоже присоединялся к ходатайствам канцлера А. Бестужева-Рюмина о неизгнании евреев. (Позже он преподавал русский язык наследнику, будущему Петру III; а брат его Фёдор к концу царствования Елизаветы стал куратором Московского университета.)⁸² Стоит отметить ещё и возвышение саксонского купца Грюнштейна, лютеранина, принявшего православие после неудачной торговли с Персией и плена там. Он поступил в Преображенский полк, был среди деятельных участников елизаветинского переворота, получил в награду звание адъютанта, потомственное дворянство и, ни много ни мало, – 927 душ крепостных. (Как же разбрасывались этими душами и наиправославнейшие цари!) Однако в дальнейшем «успех дела отуманил голову Грюнштейна». Он то грозил убить генерального прокурора, то на ночной дороге разнёс и избил родственника (не зная того) фаворита Алексея Разумовского. «Забойство» на дороге уже не сошло ему с рук, и он был сослан в Устюг⁸³.

⁷⁵ С. М. Соловьёв*, кн. 11, с. 204.

⁷⁶ Ю. Гессен, Т. 1, с. 18.

⁷⁷ S. M. Dubnow. History of the Jews in Russia and Poland, from the Earliest Times until the Present Day. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1916, vol. I, p. 258.

⁷⁸ ЕЭ, Т. 7, с. 513.

⁷⁹ Тельников Владимир Иванович (1937–1998) – педагог, переводчик, общественный деятель, политзаключенный (1957–1963), в 1971 эмигрировал, сотрудник Би-би-си. В его неоконченной неопубликованной работе о политике царского правительства по отношению к евреям указаны многие немаловажные источники к Части первой данной книги, использованные нами с благодарностью.

⁸⁰ Dr. Ernst Herrmann. Geschichte des Russischen Staats. Fünfter Band: Von der Thronbesteigung der Kaiserin Elisabeth bis zur Feier des Friedens von Kainardsche (1742–1775). Hamburg, 1853, S. 171.

⁸¹ Г. Б. Слиозберг. Дореволюционный строй России. Париж, 1933, с. 264.

⁸² ЕЭ, Т. 5, с. 519–520.

⁸³ С. М. Соловьёв, кн. 11, с. 134, 319–322.

Пётр III за свои полгода царствования не успел никак проявиться в еврейском вопросе. (Хотя, может быть, оставался у него на сердце рубец от некоего «Жида Мусафии, посредством которого делались займы» в юность Петра в Голштинии, приведшие голштинскую казну в разорение, и который «скрылся, как скоро было объявлено о совершеннолетию великого князя»⁸⁴.)

Но так произошло (и было ли это случайно?), что при первом же появлении в Сенате только что воцарившейся Екатерины II – там на очереди стоял вопрос о дозволении евреям въезжать в Россию. (И большинство Сената уже склонилось именно к тому.) Сама Екатерина, явно оправдываясь перед европейским мнением, оставила запись, как это происходило. Ей тут же один из сенаторов прочёл к сведению отрешительную резолюцию Елизаветы. Екатерина вполне сочувствовала проекту о допуске евреев, но ещё шатко себя чувствовала после переворота и настаивала же на своём православном неопитстве. «Начать царствование указом о свободном въезде евреев было бы плохим средством к успокоению умов; признать же свободный въезд евреев вредным было невозможно»⁸⁵. Екатерина повелела отложить рассмотрение проекта. И ещё через несколько месяцев в манифесте о дозволении иностранцам селиться в России оговорила: «кроме Жидов». (Десятью годами позже объяснила Дидро: вопрос о евреях был поднят тогда некстати.)⁸⁶

Однако – момент был почувствован верно, евреи из-за границы настойчиво хлопотали о допуске их в Россию и были поддержаны ходатайствами из самого Петербурга, из Риги, из Малороссии: что местная торговля «тем не мало подкрепляемая была, что как всему прочему иностранному купечеству, так и Жидам свободное в Малой России торгов отправление дозволяемо было»⁸⁷.

Вполне склоняясь к этим ходатайствам, но всё ещё опасаясь за свою православную репутацию, императрица была вынуждена... прибегнуть к конспирации! Она придумала, в обход своих же законов, поручить нескольким еврейским купцам колонизацию недавно завоёванной и всё ещё пустынной Новороссии, а сосредоточить руководство делом в Риге, однако тщательно скрывая их национальность, во всех документах называть этих евреев «новороссийскими купцами». На самом же деле приглашённые евреи, осевши в Риге, «занимались здесь своим обычным торговым промыслом». Кроме того, и действительно «Екатерина пользовалась каждым случаем, чтобы водворить евреев в Новороссию, лишь бы это не сопровождалось чрезмерной официальной оглаской», принимала туда евреев из Литвы, Польши, из числа турецких пленных и беженцев от гайдамаков⁸⁸.

А тем временем подошёл 1772 год, первый раздел Польши, в который Россия возвратила себе Белоруссию – и с массовым 100-тысячным еврейским населением. От этого года надо датировать первое значительное историческое скрещение еврейской и русской судьбы.

Въезд евреев в польские земли стал более заметен с XI века; князья, затем короли брали под своё покровительство «всяких деятельных предприимчивых выходцев» из Западной Европы. Евреи брались под королевскую защиту и получали привилегии не раз (в XIII веке от Болеслава Благочестивого, в XIV от Казимира Великого, в XVI от Сигизмунда I и от Стефана Батория), хотя это иногда перемежалось с притеснениями (в XV при Владиславе Ягелло и при Александре Казимировиче, в том веке было и два еврейских погрома в Кракове). В XVI веке в ряде польских городов было введено гетто, отчасти

⁸⁴ С. М. Соловьёв, кн. 11, с. 383.

⁸⁵ С. М. Соловьёв*, кн. 13, с. 112.

⁸⁶ ЕЭ, т. 7, с. 494.

⁸⁷ Ю. Гессен*, т. 1, с. 19.

⁸⁸ Ю. Гессен, с. 20–21.

и для безопасности самих евреев. Постоянную враждебность еврейство испытывало от католического духовенства. Но общий баланс жизни в Польше был, очевидно, евреям благоприятен, ибо «в первой половине 16-го века еврейское население в Польше значительно возросло благодаря иммиграции». Теперь евреи «приняли широкое участие в сельском хозяйстве помещиков, развив занятия арендою... между прочим, винных промыслов»⁸⁹.

Поскольку остатки Киевского княжества после разорения татарами вошли с XIV века в Литовское княжество, затем, стало быть, и в объединённое Польско-литовское государство, – «из Подолии и Волыни евреи стали медленно проникать и на Украину» – Киевщину, Полтавщину и Черниговщину. Этот процесс ускорился, когда по Люблинской унии (1569) обширная часть Украины перешла непосредственно к Польше. Основное население там было – православное крестьянство, долго имевшее вольности и свободное от податей. Теперь началась интенсивная колонизация Украины польскою шляхтой, и при содействии евреев. «Казakov прикрепили к земле и обязали к барщине и даням... Католики-помещики обременяли православных хлопков разнообразными налогами и повинностями, и в этой эксплуатации на долю евреев выпала печальная роль», они «брали у панов на откуп „пропинацию“, то есть право выделки и продажи водки», и другие отрасли хозяйства. «Арендатор-еврей, становясь на место пана, получал, – конечно, лишь в известной мере, – ту власть над крестьянином, которая принадлежала землевладельцу, и так как еврей-арендатор... старался извлечь из крестьянина возможно больший доход, то злоба крестьянина... направлялась и на католика-пана, и на еврея-арендатора. И вот почему, когда в 1648 г. разразилось страшное восстание казаков под предводительством Хмельницкого, евреи, наравне с поляками, пали жертвой», погибли десятки тысяч евреев⁹⁰.

Евреи, «привлекаемые в Украину естественными её богатствами и польскими магнатами, колонизовавшими страну, заняли видное место в хозяйственной её жизни... Служа интересам землевладельцев и правительства... евреи навлекли на себя ненависть населения»⁹¹. Н. И. Костомаров добавляет к этому, что евреи «арендовали не только различные отрасли помещичьего хозяйства (поляков), но также и православные церкви, налагали пошлыны на крещение младенцев»⁹².

После восстания, по Белоцерковскому договору (1651) «евреям было возвращено право водворяться по всей Украине... „Жидак как прежде были обывателями и арендаторами в имениях его королевской милости и в имениях шляхты, так и теперь должны быть“»⁹³.

«К восемнадцатому столетию винное дело стало почти главным занятием евреев». – «Этот промысел часто создавал столкновения между евреем и мужиком, этим безправным „хлопом“, который шёл в шинок не от недостатка, а от крайней бедности и горя»⁹⁴.

⁸⁹ Ю. Гессен, с. 22–27.

⁹⁰ Ю. Гессен, Т. 1, с. 32–34.

⁹¹ ЕЭ, Т. 15, с. 645.

⁹² ЕЭ, Т. 9, с. 788.

⁹³ Ю. Гессен, Т. 1, с. 35.

⁹⁴ S. M. Dubnow. History of the Jews..., p. 265; Джеймс Паркс. Евреи среди народов: Обзор причин антисемитизма. Париж: YMCA-Press, 1932, с. 154.

Среди ограничений, которые временами накладывались на польское еврейство настояниями католической церкви, был запрет иметь христианскую прислугу. Но если по отношению к полякам это выполнялось, то из соседней России от рекрутских наборов и казённых податей текло немало русских беглецов, в Польше они были безправны. И можно было слышать в прениях екатерининской Комиссии об Уложении (1767–68), что в Польше «Жида по несколько русских беглецов имеют у себя в услужении»⁹⁵.

Однако, экономически живо общаясь с окружающим населением, еврейство Польши за пять веков пребывания там не впустило в себя внешнего влияния. Ступали и ступали века после средневекового развития Европы – польское еврейство оставалось комом в себе, всё более несовременным образованием. Польское еврейство состояло не разрозненным, но с прочной внутренней организацией. (А как тут не сказать, что эти условия – ещё и до середины XIX века сохранённые потом в России – были, от самого начала еврейской диаспоры, наиболее благоприятными для религиозного и национального сохранения евреев.) Всею еврейской жизнью управляли местные кагалы, выросшие из самых недр еврейской жизни, и раввины. В Польше кагал был посредником между еврейством с одной стороны и властями и магистратами с другой, собирал подати для короны и за то поддерживался властями. Кагал и вёл сборы на еврейские общественные нужды, устанавливал правила для торговли и ремёсел: перекупка имущества, взятие откупа или аренды могли происходить только с разрешения кагала. Кагальные старшины имели и карательную власть над еврейским населением. Суд еврея с евреем мог вершиться только в системе кагальной, а проигравший в кагальном суде не мог подать апелляцию в государственный суд, иначе подвергался *херему* (религиозному проклятию и отчуждению от общины). «Демократические принципы, лежавшие в основе кагала, были рано попорчены олигархией...», однако пишет либеральный историк Ю. И. Гессен. – «Кагал нередко становился даже поперёк пути народного развития». «Простолюдины не имели фактически доступа в органы общественного самоуправления. Кагальные старшины и раввины, ревниво оберегая свою власть... держали народную массу вдали от себя». «Раввин, пользуясь самостоятельностью при разрешении религиозных вопросов, находился в прочих делах в зависимости от кагала, бравшего его на службу». С другой стороны, «без подписи раввина кагальные постановления не имели силы». – «Кагалы, не пользуясь авторитетом в народе, поддерживали своё господство благодаря именно содействию правительства»⁹⁶.

К концу XVII и в XVIII веке вся Польша раздиралась внутренними неурядицами, разрушалась хозяйственная жизнь и усилилось ничем не ограниченное своеволие магнатов. «Во время продолжительной, двухвековой агонии Польши... еврейство обнищало, морально опустилось и, застыв в средневековом обличье, далеко отстало от Европы»⁹⁷. Г. Грец пишет об этом так: «Ни в какое время не представляли евреи столь печального зрелища, как в период от конца Семнадцатого до середины Восемнадцатого

⁹⁵ С. М. Соловьёв, кн. 14, с. 108.

⁹⁶ Ю. Гессен, Т. 1, с. 30–31, 37, 43.

⁹⁷ И. М. Бикерман. Россия и русское еврейство // Россия и евреи: Сб. 1 (далее – РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: YMCA-Press, 1978, с. 85. (1-е изд. – Берлин: Основа, 1924.)

веков, как будто это было задумано, чтоб их подъём из низайших глубин выглядел как чудо. В трагическом течении столетий бывшие учителя Европы были унижены до детского состояния или, ещё хуже, старческого слабоумия»⁹⁸.

«В 16 веке духовное главенство над еврейским миром сосредоточивается в немецко-польском еврействе... Чтобы предотвратить возможность растворения еврейского народа среди окружающего населения, духовные руководители издавна вводили установления с целью изолировать народ от тесного общения с соседями. Пользуясь авторитетом Талмуда... раввины опутали общественную жизнь и частный быт еврея сложной сетью предписаний религиозно-обрядового характера, которые... препятствовали сближению с иноверцами». Реальные и духовные потребности «приносились в жертву устаревшим формам народного быта», «слепое исполнение обрядности превратилось для народа как бы в цель существования еврейства... Раввинизм, застывший в безжизненной форме, продолжал держать скованными и мысль, и волю народа»⁹⁹.

Более чем двухтысячелетнее сохранение еврейского народа в рассеянии вызывает изумление и уважение. Но если присмотреться: в какие-то периоды, вот в польско-русский с XVI века и даже до середины XIX, это единство достигалось давящими методами кагалов, и уж не знаешь, надо ли эти методы уважать за то одно, что они вытекали из религиозной традиции. Во всяком случае, нам, русским, – даже малую долю такого изоляционизма ставят в отвратительную вину.

При переходе еврейства под власть российского государства вся эта внутренняя система, в которой кагальная иерархия была заинтересована, сохранилась, и, предполагает Ю. И. Гессен, со всем тем раздражением, какое к середине XIX векаросло у просвещённых евреев против окаменелой талмудистской традиции: «представители господствовавшего в еврействе класса приложили все старания, чтоб убедить [российское] правительство в необходимости сохранить вековой институт, соответствовавший интересам и русской власти, и еврейского господствовавшего класса»; «кагал в союзе с раввинатом обладал полнотою власти, и этой властью он нередко злоупотреблял: расхищал общественные средства, попирали права бедных людей, неправильно налагал подати, мстил личным недругам»¹⁰⁰. В конце XVIII века один из губернаторов присоединённого к России края писал в докладной записке: «раввин, духовный суд и кагал, „сопряжённые между собою тесными узами, имея всё в своей силе и располагая даже самую совесть евреев, владуют над ними совсем отделённо, без всякого отношения к гражданскому начальству“»¹⁰¹.

А когда как раз в XVIII веке в восточно-европейском еврействе развилось, с одной стороны, сильное религиозное движение *хасидов*, а с другой стороны, началось просветительное движение Моисея Мендельсона к светскому образованию, – кагалы энергично подавляли и тех и других. В 1781 виленский раввинат объявил на хасидов «херем», в 1784 съезд раввинов в Могилёве объявил хасидов «вне закона, а их имущество „выморочным“». Вслед за этим чернь в некоторых городах учинила разгром хасидских домов»¹⁰², то есть внутри еврейский погром. Хасидов преследовали самым жестоким и даже нечестным образом, не стесняясь и ложными политическими доносами на них российским властям. Впрочем, в 1799 и по доносу хасидов власти арестовали членов виленского кагала за утайку собранных податей. Хасидизм продол-

⁹⁸ H. Graetz. Popular History of the Jews. New York: Hebrew Publishing Company, 1919, vol. V, p. 212.

⁹⁹ Ю. Гессен, Т. 1, с. 40, 42.

¹⁰⁰ Ю. Гессен, с. 51, 55.

¹⁰¹ Записка литовского губернатора Фризея // Ю. Гессен*, Т. 1, с. 83.

¹⁰² Ю. Гессен, Т. 1, с. 68–69.

жал распространяться, в некоторых губерниях особенно успешно. Раввинат предавал хасидские книги публичному сожжению, а хасиды выступали как защитники народа против кагалных злоупотреблений. «В ту пору религиозная борьба заслонила, кажется, остальные вопросы еврейской жизни»¹⁰³.

Присоединённая к России в 1772 часть Белоруссии составила Полоцкую (впоследствии Витебскую) и Могилёвскую губернии. В обращении к ним было объявлено от имени Екатерины, что жители этого края, «какого бы рода и звания ни были», отныне будут [сохранять] право на публичное отправление веры и на владение собственностью», а ещё будут награждены «всеми теми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древние её подданные пользуются». Таким образом, евреи уравнивались в правах с христианами, чего в Польше они были лишены. При том было добавлено особо о евреях, что их общества «будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, какими они ныне... пользуются»¹⁰⁴, – то есть ничего не отнималось и от польского. Правда, этим самым как бы и сохранялась прежняя власть кагалов, и евреи своей кагалной организацией ещё оставались оторваны от прочего населения, ещё не вошли прямо в то торгово-промышленное сословие, которое и соответствовало их преимущественным занятиям.

На первых порах Екатерина остерегалась как враждебной реакции польской знати, упускающей властвование, так и неблагоприятного впечатления на православных подданных. Но, сочувственно относясь к евреям и ожидая от них экономической пользы для страны, Екатерина готовила им большие права. Уже в 1778 на Белорусский край было простёрто недавнее российское всеобщее постановление: владеющие капиталом до 500 руб. составляют отныне сословие мещан, а большею суммой – сословие купцов, трёх гильдий, по своему достоянию, и освобождаются от поголовной подати, а платят 1 % с капитала, ими «объявленного по совести»¹⁰⁵.

Это постановление имело особенное, большое значение: оно разрушало еврейскую до сей поры национальную изолированность (Екатерина и хотела нарушить её). Оно подрывало и традиционный польский взгляд на евреев как на элемент внегосударственный. Подрывало и кагалный строй, принудительную силу кагала. «С указанного момента начинается процесс внедрения евреев в русский государственный организм... Евреи широко воспользовались правом записываться в купечество» – так что, например, по Могилёвской губернии купцами объявилось 10 % от еврейского населения (а от христианского – только 5,5 %) ¹⁰⁶. Евреи-купцы освобождались теперь от податного отношения к кагалу и уже не должны были, в частности, обращаться к кагалу за разрешением на всякую отлучку, как раньше: они имели теперь дело лишь с общим магистратом, на общих основаниях. (В 1780 приехавшую Екатерину евреи могилёвские и шкловские встречали одами.)

С отходом евреев-купцов переставала существовать и государственная рубрика «евреи». Остальные все евреи теперь тоже должны были быть отнесены в какое-то сословие, и очевидно только в мещан. Но желающих переходить сперва было мало – из-за того что годичный поголовный сбор с мещан в то время был 60 коп., а с евреев – 50 коп. Однако и другого пути не оставалось. А с 1783 и евреи-мещане, как и евреи-купцы, должны были вносить сборы не в кагал, а в магистрат, на общих основаниях, и паспорт на выезд получать от него же.

Это движение закрепились всеобщим новым Городовым положением 1785, которое рассматривало лишь сословия, а никак не нации. По этому положению все мещане (а стало быть – и все евреи) получали право участия в местном сословном управлении и занятия общественных должностей. «По условиям того времени, это означало, что евреи стали рав-

¹⁰³ Ю. Гессен, Т. 1, с. 103–108.

¹⁰⁴ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 47.

¹⁰⁵ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 56.

¹⁰⁶ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 57.

ноправными гражданами... Вступление в купечество и мещанство в качестве равноправных членов явилось событием крупного социального значения», должно было превратить евреев в «общественную силу, с которой нельзя было не считаться, а тем самым поднять их нравственное самочувствие»¹⁰⁷. Это облегчало и практическую защиту их жизненных интересов. «В то время торгово-промышленный класс, равно как и городские общества пользовались широким самоуправлением... Таким образом, в руки евреев, наравне с христианами, была передана известная административная и судебная власть, благодаря чему еврейское население приобрело силу и значение в общественно-государственной жизни»¹⁰⁸. Из евреев бывали теперь и бургомистры, и ратманы, и судьи. Сперва в крупных городах применялось ограничение: чтобы евреев на выборных должностях не было больше, чем христиан. Однако в 1786 «Екатерина послала белорусскому генерал-губернатору собственноручно подписанный приказ»: чтобы равенство прав евреев «в сословно-городском самоуправлении... „непременно и без всякого отлагательства приведено было в действие“, а с неисполнителей его „учинено было [бы] законное взыскание“»¹⁰⁹.

Отметим, что таким образом евреи получали гражданское равноправие не только в отличие от Польши, но раньше, чем во Франции и в германских землях. (При Фридрихе II были и сильнейшие стеснения евреев.) И, что ещё существенней: евреи в России от начала имели ту *личную* свободу, которой предстояло ещё 80 лет не иметь российским крестьянам. И, парадоксально: евреи получили даже бо́льшую свободу, чем русские купцы и мещане: те – жили непременно в городах, а еврейское население, не в пример им, «могло проживать в уездных селениях, занимаясь, в частности, винными промыслами»¹¹⁰. «Хотя евреи массами проживали не только в городах, но также в сёлах и деревнях, они были приписаны к городским обществам... включены в сословия мещан и купцов»¹¹¹. «По роду своей деятельности, окружённые несвободным крестьянством, они играли важную экономическую роль – в их руках сосредоточивалась [сельская] торговля, они брали в аренду различные статьи помещичьих доходов, продажу водки в шинках» – и тем «способствовали распространению пьянства». Белорусская администрация указывала, что «присутствие евреев в деревнях вредно отражается на экономическом и нравственном состоянии крестьянского населения, так как евреи... развивают пьянство среди местного населения». «В отзывах администрации было, между прочим, отмечено, что евреи дачею крестьянам водки в долг и проч. [приём вещей в заклад за водку] приводят их к пьянству, безделию и нищете»¹¹². Но «винные промыслы являлись заманчивой статьёй доходов»¹¹³ – и для польских помещиков, и для еврейских посредников.

Естественно, что полученный евреями гражданский дар не мог не понести в себе и обратную угрозу: очевидно, что и евреи должны бы были подчиниться общему правилу, прекратить винный промысел в деревнях и уйти отсюда. В 1783 было опубликовано, что «„прямое правило предлежит каждому гражданину определить себя к торговле и ремеслу, состоянию его приличному, а не курению вина, яко промыслу совсем для него не свойственному“, и если помещик сдаст... в деревне курение водки „купцу, мещанину или Жиду“, то он сочтён будет нарушителем закона»¹¹⁴. И вот – «евреев стали подвергать выселению из деревень и сёл в города, дабы отвлечь их от вековых занятий... аренды винокурных заводов и шинков»¹¹⁵.

¹⁰⁷ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 59.

¹⁰⁸ ЕЭ, Т. 2, с. 731.

¹⁰⁹ Ю. Гессен, Т. 1, с. 76–77.

¹¹⁰ Ю. Гессен, Т. 1, с. 76.

¹¹¹ ЕЭ, Т. 13, с. 613.

¹¹² Ю. Гессен, Т. 1, с. 72–73.

¹¹³ Ю. Гессен, Т. 1, с. 64.

¹¹⁴ Ю. Гессен, Т. 1, с. 65.

¹¹⁵ ЕЭ, Т. 13, с. 614.

Разумеется, для евреев угроза поголовного выселения из деревень выглядела не как мера государственного единообразия – а как специальная мера против их национально-вероисповедной группы. Явно лишаясь столь выгодного промысла в сельской местности, переселяемые в город евреи-мещане попадали там в густое стеснение внутригородской и внутриеврейской конкуренции. Среди евреев возникло сильное возбуждение, – и в 1784 поехала в Петербург депутация от кагалов – хлопотать об отмене сей меры. (Одновременно кагалы рассчитывали: при помощи правительства вернуть полноту своей теряемой над еврейским населением власти.) Но ответ от имени императрицы был: «Когда означенные еврейского закона люди вошли уже... в состояние, равное с другими, то и надлежит при всяком случае наблюдать правило, Ея Величеством установленное, что всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона инарода»¹¹⁶.

Однако пришлось посчитаться со сплочённой силой весьма заинтересованных польских помещиков. Хотя в 1783 администрация Белорусского края запретила им отдавать винокурение на откуп или в аренду «лицам, не имеющим на то права, „особливо Жидам“... помещики продолжали отдавать евреям на откуп винные промыслы. Это было их право»¹¹⁷, устойчивое наследие вековых польских порядков.

И Сенат – помещиков не посмел принудить. И в 1786 отменил выселение евреев в города. Для этого изыскан был такой компромисс: евреи пусть считаются переселёнными в города, но сохраняют право на *временную* отлучку в деревни. То есть и остаются жить в деревнях, кто где жил. Сенатский указ 1786 разрешал евреям жить в деревнях, и «евреям было позволено брать на откуп у помещиков производство и продажу спиртных напитков, в то время как купцы и мещане-христиане не получали этих прав»¹¹⁸.

Да и хлопоты кагальной делегации в Петербурге остались тоже не вовсе без успеха. Она не добилась, как просила, учреждения отдельных еврейских судов для всех тяжб между евреями, но (1786) кагалам была возвращена значительная часть административных прав и надзора за еврейским мещанством, то есть большинством еврейского населения: раскладка не только общественных повинностей, но и сбор подушной подати, и снова – усмотрение о праве отлучки из общины. Значит, правительство увидело свой практический интерес в том, чтобы не ослаблять власти кагала.

Вообще по России всё торгово-промышленное сословие (купцы и мещане) не пользовалось свободой передвижения, было прикреплено к месту приписки (чтобы отъездом своим не понижать платежеспособность своих городских обществ). Но для Белоруссии в 1782 Сенат сделал исключение: купцы могут переходить из города в город «смотря по удобствам их коммерции». Этот порядок опять дал преимущество еврейским купцам.

Однако они стали пользоваться этим правом шире, чем оно было определено: «еврейские купцы стали записываться в Москве и в Смоленске»¹¹⁹. «Евреи стали водворяться в Москве вскоре по присоединении в 1772 г. белорусского края... В конце 18 века число евреев в Москве было значительно... Некоторые евреи, записавшись в здешнее купечество, завели крупную торговлю... Другие же евреи занимались продажей заграничных товаров на своих квартирах или постоянных дворах, а также в разнос по домам, что в ту пору было вообще запрещено»¹²⁰.

И в 1790 «московское купеческое общество составило приговор», что «в Москве появилось из-за границы и из Белоруссии „Жидов число весьма немалое“, иные и прямо записываются в московское купечество и пользуются запрещёнными приёмами торговли, чем нано-

¹¹⁶ ЕЭ*, Т. 7, с. 496.

¹¹⁷ Ю. Гессен, Т. 1, с. 72.

¹¹⁸ КЕЭ, Т. 7, с. 298.

¹¹⁹ Ю. Гессен, Т. 1, с. 77.

¹²⁰ ЕЭ, Т. 11, с. 331.

сят ей «весьма чувствительный вред и помешательство», а дешевизна их товаров указывает на то, что они контрабандные, а ещё «евреи обрезают, как известно, монеты; возможно, что они будут то же делать и в Москве». И в ответ на «хитрые их во всём вымыслы» московские купцы требовали удаления еврейских из Москвы. А еврейские купцы в свою очередь представили наверх «жалобу... что их более не принимают в смоленское и московское купечество»¹²¹.

Рассмотрением жалоб занялся «Совет государыни». В соответствии с единым российским правилом он нашёл, что евреи не имеют права «записываться в купеческие российские города и порты», а только в Белоруссии¹²². Что «от допущения евреев в Москву „не усматривается никакой пользы“». И в декабре 1791 был издан высочайший указ «о недозволении евреям записываться в купечество внутренних губерний», а в Москву могут приезжать «лишь на известные сроки по торговым делам»¹²³. Евреи могут пользоваться правами купечества и мещанства только в Белоруссии. Но при том Екатерина добавила помягчение: предоставить евреям право жительства и мещанства ещё и в осваиваемой Новороссии – Екатеринославском наместничестве и Таврической области (вскоре это – Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии), – то есть открывала евреям новые обширные области, в которые купцы и мещане из христиан, согласно общему правилу, переселяться из внутренних губерний никак не могли. (В 1796, когда «стало известно, что группы евреев [уже] поселились в... Киевской, Черниговской и Новгород-Северской» губерниях, – в тех губерниях также разрешено было евреям «пользоваться правом купечества и мещанства»¹²⁴.)

Дореволюционная Еврейская Энциклопедия пишет: указом 1791 «было положено начало черты оседлости, хотя и не преднамеренно. При условиях тогдашнего общественно-государственного строя вообще и еврейской жизни в частности, правительство не могло иметь в виду создать для евреев особое стеснительное положение, ввести для них исключительные законы, в смысле ограничения права жительства. По обстоятельствам того времени, этот указ не заключал в себе ничего такого, что ставило бы евреев в этом отношении в менее благоприятное положение сравнительно с христианами... указ 1791 года не внёс какого-либо ограничения в права евреев в отношении жительства, не создавал специально „черты“», и даже «пред евреями были открыты новые области, в которые по общему правилу нельзя было переселяться»; «центр тяжести указа 1791 г. не в том, что то были евреи, а в том, что то были торговые люди; вопрос рассматривался не с точки зрения национальной или религиозной, а лишь с точки зрения полезности»¹²⁵.

И вот этот указ 1791, для купцов еврейских сравнительно с купцами христианскими даже льготный, с годами и превратился в основание будущей «черты оседлости», легшей мрачной тенью на еврейское существование в России почти до самой революции.

Но в своё время указ 1791 не помешал и тому, что «к концу царствования Екатерины II в Санкт-Петербурге уже образовалась небольшая [еврейская] колония»: «известный откупщик Абрам Перетц» и близкие к нему, сколько-то купцов, а «во время разгара религиозной борьбы здесь проживал раввин Авигдор Хаимович и его противник, известный хасидский цадик р. Залман Борухович»¹²⁶.

А в 1793 и 1795 состоялись 2-й и 3-й разделы Польши – и в состав России вошло уже почти миллионное еврейство Литвы, Подолии и Волыни. И этот вход его в объём России

¹²¹ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 77–78.

¹²² Ю. Гессен*, Т. 1, с. 78.

¹²³ ЕЭ, Т. 11, с. 331.

¹²⁴ Ю. Гессен, Т. 1, с. 79.

¹²⁵ ЕЭ, Т. 7, с. 591–592.

¹²⁶ ЕЭ, Т. 13, с. 939.

был – не скоро осознанным – крупнейшим историческим событием, много затем повлиявшим и на судьбу России, и на судьбу восточно-европейского еврейства.

Вот оно было собрано «после многовековых странствий под один кров, в одну великую общину»¹²⁷.

В сильно теперь расширенном крае еврейского проживания поднялись всё те же вопросы. Евреи получили права купечества и мещанства, каких не имели в Польше, получили права равного участия в сословно-городском самоуправлении, – но должны были разделить и ограничения тех сословий: не переселяться в города внутренних губерний России и быть выселенными из деревень?

При огромном теперь объёме еврейского населения – российской администрации уже не представлялось выходом прикрыть оставление евреев в деревнях – правом «временного посещения» их. «Жгучий вопрос... Экономическая обстановка не мирилась с пребыванием чрезмерного числа торгово-промышленных людей среди крестьян»¹²⁸.

Для облегчения проблемы многие малые местечки были приравнены к городам – и так открывалась легальная возможность евреям оставаться жить там. Но при многочислии еврейского населения в сельской местности и сгущённости в городах это не было решением.

Казалось: евреям естественно теперь переселяться в обширную и малонаселённую Новороссию, которую Екатерина вот открыла им? И новопоселенцам предоставлялись льготы. Однако эти льготы «не были способны вызвать среди евреев колонизационное движение. Освобождение поселенцев от подати не казалось заманчивым» для такого переезда, даже оно¹²⁹.

Тогда в 1794 Екатерина решилась побудить евреев к переселению мерами противоположными: приступить к выселению евреев из деревень в города. В то же время она решила обложить всё еврейское население *двойной* податью по сравнению с той, которую платили христиане. (Такую подать уже давно платили старообрядцы; но в отношении евреев тот закон оказался и не эффективным и не длительным.)

То были – из последних распоряжений Екатерины. С конца 1796 воцарился Павел I. О нём Еврейская Энциклопедия заключает: «Гневное царствование Павла I прошло для евреев благополучно... Все акты Павла I о евреях свидетельствуют, что государь относился к еврейскому населению с терпимостью и расположением»; «когда сталкивались интересы евреев и христиан, Павел I отнюдь не брал христиан под свою защиту против евреев». И если он в 1797 и приказал «принять меры к ограничению власти евреев и духовенства над крестьянами», то это «в сущности не было обращено против евреев, – оно было направлено в защиту крестьянства». Павел же «признал за хасидизмом право на открытое существование»¹³⁰. Павел распространил еврейское право купечества и мещанства также и на Курляндскую губернию (непольское наследие, и не входившее затем в «черту оседлости»). Одно за другим он последовательно отклонил ходатайства христианских общин Ковны, Каменец-Подольска, Киева, Вильны («евреям дана воля возрастать над христианами») о выселении евреев из их городов¹³¹.

В наследие Павлу досталось упрямое сопротивление польских помещиков всякому изменению их прав, в том числе и над евреями, и права суда над ними, какие они имели в Польше, и ещё злоупотребляли ими без границ. Так, в жалобе бердичевских евреев на князя Радзивила писалось: «Чтобы иметь своё богослужение, долженствуем платить деньги тем, коим князь отдаёт в аренду нашу веру»; а о бывшем фаворите Екатерины Зориче – что он «оставил без пла-

¹²⁷ И. М. Бикерман // РИЕ, с. 90.

¹²⁸ Ю. Гессен, Т. 1, с. 83.

¹²⁹ Ю. Гессен, Т. 1, с. 86.

¹³⁰ ЕЭ, Т. 12, с. 182.

¹³¹ ЕЭ*, Т. 2, с. 732.

тежа один только воздух»¹³². (При Польше иные местечки и города были *владельческие* – и владелец устанавливал свои дополнительные произвольные поборы с жителей.)

С первых же годов Павла разразились сильные голоды в Белоруссии, особенно в Минской губернии. Гавриил Романович Державин, тогда сенатор, был уполномочен поехать на место, выяснить причины голода и устранить его – притом не было ему дано средств на закупку хлеба, но дано право отбирать имения у нерадивых помещиков и использовать их запасы для раздачи.

Державин, не только наш выдающийся поэт, но и незаурядный государственный деятель, оставил свидетельства уникальные и ярко изложенные. Рассмотрим их.

Голод, обнаруженный Державиным, оказался – крайний. Как он пишет: «приехав в Белоруссию, самолично дознал великий недостаток у поселян в хлебе... самый сильный голод, что питались почти все пареною травою, с пересыпкою самым малым количеством муки или круп»; крестьяне «тощи и бледны, как мёртвые». «В отвращение чего, разведав у кого у богатых владельцев в запасных магазейнах есть хлеб», – взял заимообразно и раздал бедным, а имение одного польского графа, «усмотря таковое немилосердное сдирство», приказал взять в опеку. «Услыша таковую строгость, дворянство возбудилось от дремучки или, лучше сказать, от жестокого равнодушия к человечеству: употребило все способы к прокормлению крестьян, достав хлеба от соседственных губерний. А как... чрез два месяца поспевала жатва, то... пресек голод». Разъезжая по губернии, Державин «привёл в такой страх» предводителей, исправников, что дворянство «сделало комплот или стачку и послало на Державина оклеветание к Императору»¹³³.

Державин нашёл, что пьянством крестьян пользовались еврейские винокуры: «Также сведав, что Жиды, из своего корыстолюбия, выманивая у крестьян хлеб попойками, обращают оный паки в вино и тем оголожают, приказал винокурные заводы их в деревне Лёзне [Лиозно] запретить». Одновременно «собрал сведения от благоразумнейших обывателей» и от дворян, купечества и поселян «относительно образа жизни Жидов, их промыслов, обманов и всех ухищрений и уловок, коими... оголожают глупых и бедных поселян, и какими средствами можно оборонить от них несмысленную чернь, а им доставить честное и не зазорное пропитание... учинить полезными гражданами»¹³⁴.

Многие злоупотребления польских помещиков и еврейских арендаторов Державин в следующие за тем осенние месяцы описал во «Мнении об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта Евреев», которое и подал ко вниманию императора и высших сановников государства. «Мнение» это, весьма широкое по охвату, вбирающее и оценку наследованных от Польши порядков, и возможные способы преодоления крестьянской нищеты, и особенности тогдашнего еврейского быта, и проект преобразования его при сравнениях с Пруссией и Цесарией (Австрией), и далее с весьма подробной практической разработкой предполагаемых мер, – представляет собой интерес как первое по времени свидетельство просвещённого и государственного русского человека о состоянии еврейской жизни в России – ещё в те ранние годы, когда Россия только что включила евреев в массу.

«Мнение» состоит из двух частей – 1-я: Вообще о белорусских обитателях (в отзывах на «Мнение» мы почти и не встречаем упоминаний этой существенной части); и 2-я: О Евреях.

Державин начал с того, что земледелие в Белоруссии вообще допоследне запущено. Тамошние крестьяне «ленивы в работах, не проворны, чужды от всех промыслов и нерадетельны в земледелии». Из года в год они «едят хлеб не веянный, весною колотуху или из оржа-

¹³² Ю. Гессен*, Т. 1, с. 92–93.

¹³³ [Г.Р.] Державин. Сочинения (далее – Державин): В 9 т. / С объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е Академическое изд. СПб., 1864–1883. Т. 6, с. 690–691, 693.

¹³⁴ Державин., Т. 6, с. 691–692.

ной муки болтушку», летом «довольствуются, с небольшою пересыпкою какого-нибудь жита, изрубленными и сваренными травами... так бывают истощены, что с нуждою шатаются»¹³⁵.

А здешние польские помещики «не суть домостроительны, управляют имениями... не сами, но через арендаторов», польский обычай, а в аренде «нет общих правил, коими бы охранялись как крестьяне от отягощения, так и хозяйственная часть от расстройки», и «многие любостыжательные арендаторы... крестьян изнурительными работами и налогами приводят в беднейшее состояние и превращают... в бобыли», и аренда эта тем разрушительней, что она кратковременна, на год – на три, и арендатор спешит «извлечь свою корысть... не сожалея о истощении» имения¹³⁶.

А ещё изнурение крестьян оттого, что некоторые «помещики, отдавая на откуп Жидам в своих деревнях винную продажу, делают с ними постановления, чтоб их крестьяне ничего для себя нужного нигде ни у кого не покупали и в долг не брали, как только у сих откупщиков [второе дороже], и никому из своих продуктов ничего не продавали, как токмо сим Жидам же откупщикам... дешевле истинных цен». И так «доводят поселян до нищеты, а особливо при возвращении от них взаймы взятого хлеба... уже конечно должны отдать вдвое; кто ж из них того не исполнит, бывают наказаны... отняты все способы у поселян быть зажиточными и сытыми»¹³⁷.

Далее: большое развитие винокурения, курят вино владельцы, окольная шляхта, попы, монахи и Жида. (Изо всего еврейского близмиллионного населения, «двести-триста тысяч людей» жили в деревнях¹³⁸, проживая в основном виноторговлей.) Крестьяне же «по собрании жатвы неумеренны и неосторожны в расходах; пьют, едят, веселятся и отдают Жидам за старые долги и за попойки всё то, что они ни потребуют; оттого зимою обыкновенно уже показывается у них недостаток... Не токмо в каждом селении, но в иных и по несколько построено владельцами корчем, где для их и арендаторских жидовских прибытков продаётся по дням и по ночам вино... Там выманивают у них Жида не токмо насущный хлеб, но и в земле посеянный, хлебопашенные орудия, имущество, время, здоровье и самую жизнь». И это усугубляется обычаем *коледы*: «Жида, езда по деревням, а особливо осенью при собрании жатвы, и напоив крестьян со всеми их семействами, собирают с них долги свои и похищают последнее нужное их пропитание»; «пьяных обсчитывая, обирают с ног до головы, и тем погружают поселян в совершенную бедность и нищету»¹³⁹. Перечисляет и иные причины оскудения крестьян.

Несомненно, за этим губительным винным промыслом стояли польские помещики: шинкари и арендаторы действовали по полномочию помещиков и к наживе их; и, как утверждает Гессен, «в их числе были не одни евреи, но и христиане», особенно священники¹⁴⁰. Но: евреи стали незаменимым, деятельным и находчивым звеном в этой эксплуатации безправных, неграмотных и изнурённых крестьян. Не прослоись белорусские селения евреями-шинкарями и евреями-арендаторами – без них не наладить бы этой обширной выкачивающей системы, выемка еврейского звена обещала бы расстроить её.

Затем Державин предложил энергичные меры, как искоренить эти пороки крестьянской жизни. Исправлением её должны озаботиться помещики. *Только им одним*, ответственным за крестьян, и разрешить винокурение «под собственным... присмотром, а не в других где отдалённых местах, и с тем обязательством», чтобы помещик «ежегодно оставлял у себя и у крестьян своих в зерне запасного хлеба» сколько нужно для прокормления. «Под опасе-

¹³⁵ Державин, Т. 7, 1878, с. 263.

¹³⁶ Державин, Т. 7, 1878, с. 263–264, 269.

¹³⁷ Державин, Т. 7, 1878, с. 264.

¹³⁸ Ю. Гессен, Т. 1, с. 153.

¹³⁹ Державин, Т. 7, с. 263, 265, 287.

¹⁴⁰ Ю. Гессен, Т. 1, с. 126–127.

нием за неисполнение сего подвергнуть имение своё описи в казну» – открывать винокурение не раньше середины сентября и закрывать в середине апреля, то есть освободить от винопития весь земледельческий сезон. Также – чтобы не было продажи вина во время церковной службы и по ночам. Корчмы дозволить держать только: у «больших дорог, ярмонок, мельниц и пристаней, где сбор посторонних людей бывает». А все излишние и вновь выстроенные, кроме тех мест, корчмы, «с забранья края [Белоруссии] по сие время слишком их размножилось», – «тотчас уничтожить, и продажу вина в них запретить». «А в деревнях и в пустых отдалённых местах отнюдь их не иметь, для того чтоб крестьяне не спивались». Евреям же «продажи вина ни вёдрами, ни чарками производить не позволять, ни винокурами при заводах винных... не быть» – и не арендовать корчем. И запретить «коледы» – также и: запретить краткосрочную аренду имений и точными контрактами «обуздать [арендатора] от расстройки имения». И – под угрозой – воспретить «вкравшееся... злоупотребление», что помещики «не позволяют своим крестьянам покупать на стороне им нужное и продавать свои избытки иному кому, кроме их корчмарей». – Ещё и другие хозяйственные предложения – и «таковым образом может отвратиться от Белорусской губернии на предбудущие времена недостаток в прокормлении»¹⁴¹.

Во 2-й части того же «Мнения» Державин, выйдя за пределы полученного им сенатского задания, представил и проект общего преобразования жизни евреев в Российском государстве – но не сам по себе, а именно в связи с обнищанием Белоруссии и в целях поправить его. Он тут не уклонился сделать и кратчайший обзор всей еврейской истории, и особенно в польский период, дабы из неё объяснить нынешние нравы евреев. Использует он и свои беседы с еврейским просветителем (берлинского образования) врачом Ильёю Франком, изложившим свои мысли и письменно: что «еврейские народные учителя исказили истинный дух верования путём „мистико-талмудических лже толкований“ Библии... ввели строгие законы, с целью обособить евреев от остальных народов, внушили евреям глубокую ненависть ко всякой другой религии»; «вместо культивирования общежительной добродетели, они установили... пустой обряд богомоления»; «нравственный характер евреев в последние века изменился к худшему, и вследствие этого они стали вредными подданными»; «чтобы нравственно и политически возродить евреев, их нужно вернуть к первоначальной чистоте их религии»; «еврейская реформа в России должна начаться с открытия общественных школ, в которых преподавались бы русский, немецкий и еврейский языки». Что это предрассудок, будто усвоение светских знаний равносильно измене религии и народу, а земледельческий труд якобы не приличествует еврею¹⁴². – В своём «Мнении» заимствовал Державин и проект Ноты Хаимовича Ноткина, крупного купца из Шклова, с которым он тоже сознакомился. Хотя Ноткин отвергал основные выводы и предложения Державина о евреях – но поддерживал и устранение евреев, по возможности, от винных промыслов, и необходимость образования для них, и необходимость производительного, преимущественно промышленного труда, допуская и переселение «на плодородные степи для размножения там овец, земледелия»¹⁴³.

Идя по стопам объяснений Франка, противника власти кагалов, Державин исходил из того же общего заключения, что «начальные основания их [евреев] чистого богослужения и нравственности» ныне превращены «в ложные понятия», а через то еврейский простой народ «так... ослепили и непрестанно ослепляют, что возвысилась и утвердилась между ими и прочими не единоверными с ними так сказать неразрушимая стена, которая, окружая их мраком, содержит в твёрдом единстве и отделении от всех обитающих с ними». Так воспитывают и детей, «за научение талмудов платят они дорого и ничего не жалея... Доколе школы будут существовать в настоящем их положении, ни малой не предвидится надежды к перемене

¹⁴¹ Державин, Т. 7, с. 267–275.

¹⁴² См.: Ю. Гессен, Т. 1, с. 129–130; ЕЭ, Т. 15, с. 358–359.

¹⁴³ ЕЭ, Т. 11, с. 801; Державин, Т. 7, с. 353–355; Ю. Гессен, Т. 1, с. 131–132.

их нравов... Укореняется суеверное учение, что они почитают себя единственно истинными богочтителями, а о всех других не единоверных с ними думают уничижительно... Там вперяется в народ безпрестанное ожидание Мессии... что их Мессия, покорением под свою державу вещественно всех земнородных, будет над ними плотски владычествовать, возвратит им прежнее их царство, славу, великолепие». Ещё о той молодёжи – что «женятся весьма рано, иногда прежде 10 лет, отчего хотя плодущи, но слабы». – Затем и о кагальном устройстве: что внутриеврейский сбор «составляет кагалам ежегодно знатную сумму доходов, несравненно превосходящую, нежели с их ревизских душ государственные подати. Кагальные старейшины в ней никому никакого отчёта не дают. Бедная их чернь от сего находится в крайнем изнурении и нищете, каковых суть большая часть... Напротив, кагальные богаты и живут в изобилии; управляя двоякою пружиной власти, то есть духовною и гражданскою... имеют великую силу над их народом. Сим средством содержат они его... в великом порабождении и страхе». От кагалов «истекают по их народу всякие приказания... которые исполняются с такою точностью и скоростью, что удивляться должно»¹⁴⁴.

Суть проблемы Державин видел так: «Многочисленность же их [евреев] в Белоруссии... по единой только уже несоразмерности с хлебопашцами совершенно для страны сей тягостна... она есть единственно из главнейших, которая производит в сем краю недостаток в хлебе и в прочих съестных припасах». «Никогда никто не был из них хлебопашцем, а всякий имел и переводил более хлеба, нежели семьянистый крестьянин, в поте лица своего достоящий оный». «Всего же более упражняются в деревнях... в раздаче в долги всего нужного крестьянам, с приобретением чрезвычайного росту; и потому, попав крестьянин единожды в их обязанность, не может уже выпутаться из долгу». А ещё ж – «легковерные помещики, предавшие в руки жидовские не токмо временно, но и безсрочно деревни свои...». А помещики – и рады валить всё на евреев: «единственною причиною истощения их крестьян по своим оборотам признают они Жидов», и редкий помещик признается, «что ежели их выслатъ из его владений, то он понесёт немалый убыток, по той причине, что получает с них знатные за аренды доходы»¹⁴⁵.

Так – Державин не упустил взглянуть на дело разносторонне. И: «должно однако ж справедливость отдать и сим последним [евреям], что при нынешнем недостатке хлеба они немало голодных поселян снабжали кормом; впрочем, всяк знает, что не без расчёта, ибо, при снятии жатвы, данное им сторицею они возвратят»¹⁴⁶. А в частной при том записке генерал-прокурору Державин написал: «Трудно без погрешения и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропивают хлеб Жидам и оттого терпят недостаток в оном. Владельцы не могут воспретить пьянства для того, что они от продажи вина почти весь свой доход имеют. А и Жидов в полной мере обвинять также не можно, что они для пропитания своего извлекают последний от крестьян корм»¹⁴⁷.

И. Франку Державин сказал однажды: «Раз Промысл сохранил до сих пор этот маленький рассеянный народ, то и мы должны позаботиться об его сохранении»¹⁴⁸. А в докладе своём, с простодушной грубой прямою того времени, написал: «Ежели Всевысочайший Промысл, для исполнения каких своих неведомых намерений, сей по нравам своим опасный народ оставляет на поверхности земной и его не истребляет; то должны его терпеть и правительства,

¹⁴⁴ Державин, Т. 7, с. 280–283, 287.

¹⁴⁵ Державин, Т. 7, с. 279, 287–291, 326.

¹⁴⁶ Державин, Т. 7, с. 288.

¹⁴⁷ Дело министерства юстиции, 1800 г., № 251 // Ю. Гессен*, Т. 1, с. 133.

¹⁴⁸ ЕЭ, Т. 15, с. 358.

под скиптр коих он прибегнул... обязаны простирать и о Жидах своё попечение таким образом, чтобы они и себе и обществу, между которым водворились, были полезными»¹⁴⁹.

За все свои наблюдения в Белоруссии, выводы, за всё его «Мнение», и даже особенно за эти строки, ещё, вероятно, за похвалу «прозорливости великих российских монархов... которые строго воспрещали иметь приход и въезд сим искусным грабителям в пределы империи»¹⁵⁰, – Державину припечатано «имя фанатического юдофоба» и тяжёлого антисемита. Ему (как мы видели, неверно) ставится в обвинение, что он «приписал в официальных документах пьянство и бедность белорусских крестьян всецело евреям», а его «положительные меры» – без всякой доказательности объясняются лишь личными амбициями¹⁵¹.

А между тем – никакой исконной предвзятости к евреям у него не было, всё его «Мнение» сформировалось в 1800 на фактах разорения и голода крестьян, и направлено оно было к тому, чтобы сделать добро и белорусскому крестьянству, и самому еврейству – *расценив* их экономически и направив еврейство к прямой производительности, – первейше расселением части их на неосвоенные земли, что предполагала ещё Екатерина.

Пороговую трудность тут Державин видел в постоянной переходчивости и неучтённости еврейского населения, вряд ли и шестая часть его учтена по ревизиям. «Без особого чрезвычайного средства трудно им сделать справедливую перепись: ибо, живя по городам, местечкам, дворам господским, деревням и корчмам, безпрестанно почти перебегая друг к другу, называют себя не туточными жителями, а гостями, из другого уезда или селения пришедшими», да к тому же все «единообразны... единоимянны», без фамилий, «да к тому же все одеты в одинакое чёрное платье, то и теряется память и смешивается понятие при случае их счёта и различия, а особливо по делам исковым и следственным». При том и «кагалы опасаются показывать их всех, дабы слишком не отяготить зажиточных податями за прописных»¹⁵².

Общее же решение Державин искал: как «без нанесения кому-либо вреда в интересах... уменьшить [число евреев в белорусских деревнях] и облегчить тем продовольствие коренных её обитателей, а оставшимся из них дать лучшие и безобиднейшие для других способы к их содержанию». А кроме того: «ослабить их фанатизм и нечувствительным образом приблизить к прямому просвещению, не отступая однако ни в чём от правил терпимости различных вер; вообще, истребив в них ненависть к иноверным народам, уничтожить коварные вымыслы к похищению чужого добра»¹⁵³. Таким образом, отделить свободу религиозной совести от «безнаказанности злодейств».

И затем он дал – поэтапную, подробную разработку предлагаемых мер, привлекая хозяйственный и государственный смысл. Сперва, «чтоб не произвести какого в них [евреях] волнования, побегов и малейшего даже ропоту», – императорским манифестом объявить им покровительство и попечение, с подтверждением терпимости к их вере и сохранением данных Екатериною привилегий, «с некоторою только отменю древних их установлений». (А кто «не похочет подвергнуться сему установлению, дать тем свободу выйти за границу», – далеко опережая в свободе советский XX век.) – Сразу за тем, по точным календарным периодам, временно запретив всякие новые кредиты, – разобрать, документировать и разрешить все взаимные долговые претензии между христианами и евреями, «восстановить прежнюю взаимную доверенность, с тем однако, чтобы не была она впредь ни малейшею уже связью или преградой к преобразованию Евреев в другой образ жизни» – «к переселению их в другие области, или» на старых местах «к восприятию нового рода жизни». «Поскорее Евреев от долгов

¹⁴⁹ Державин, Т. 7, с. 277.

¹⁵⁰ Державин, Т. 7, с. 280.

¹⁵¹ ЕЭ, Т. 7, с. 112–113.

¹⁵² Державин, Т. 7, с. 302.

¹⁵³ Державин, Т. 7, с. 291.

очистить и учинить их свободными к реформе». От момента манифеста все сборы, делаемые с евреев, – направить «на платёж за бедных людей», то есть на бедных евреев, на покрытие кагальных долгов и на обзаведение переселенцев. С кого три, с кого шесть лет не взимать определённую с них подать – а направить на заведение для них фабрик и рукоделий. Помещики должны дать обязательства за евреев в своих местечках, что те в три года заведут мануфактуры, фабрики и рукоделия, а на усадьбах действительное хлебопашество, «дабы они доставали хлеб свой собственно своими руками», но «ни под каким видом не продавали они нигде ни тайно, ни явно горячего вина», – иначе сами те помещики лишатся права винокурения. Неупускаемо произвести и всеобщую точную перепись населения под ответственность кагальных старейшин. Кто не может объявить состоятельности как купец или городской мещанин – для тех открыть новые классы, с меньшим достатком: сельских мещан либо «поселян-хозяев» (затем что «наименование крестьянина по сходству со словом Христианина они терпеть не могут»). При том должны еврейские поселенцы «почитаемы быть людьми вольными, а не крепостными»; однако «ни под каким видом и поводом да не дерзнут употреблять в свои услуги Христиан и Христианок», ни владеть христианскими деревнями, ни одной душою, и не допускать заседать в магистратах и ратушах, дабы не дать им прав над христианами. А «по объявлении желаний записаться в какой род жизни» – направить «потребное число молодых людей» в Петербург, Москву, Ригу, – кого «для научения купеческой бухгалтерии», кого – ремёсел, третьих – в школы «для хлебопашества и созидания земляных строений». Тем временем избрать «несколько расторопных и тщательных Евреев депутатами... во все те места, где земли для заселения» отведут. (И дальше – подробности составления планов, землемерия, домостроительства, порядка следования переселенческих партий, их права на пути, льготные годы от податей для переселенцев – всю подробную детализацию, терпеливо разработанную Державиным, мы оставляем в стороне.) Для внутреннего же устройства еврейских общин, дабы «наравне с прочими России подвластными народами... подвергнуть [евреев] единственному государственному правлению... не должны более ни под каким видом существовать кагалы». А с отменой кагалов «все лихоимственные с народа еврейского прежние кагальные сборы сим... отменяются, а государственные подати собирать с них так же... как с прочих подданных» (т. е. не двойную), и должны «школы и синагоги покровительствуемы быть законами». В брак не вступать «мужеского полу моложе 17-ти, а женского 15-ти лет». И следует раздел об образовании и просвещении евреев. Школы еврейские – до 12 лет, а потом – общие школы, сближать с иноверными; «высоких же наук достигших позволить принимать в академии, университеты, в почётные члены, доктора, профессоры», – но «не присвоая им... офицерских и штаб-офицерских чинов», ибо «хотя и могли бы они принимаемы быть в военную службу», но, например, «в субботу пред неприятелем не примутся за оружие, что несколько раз на самом деле случалось». Завести типографии для еврейских книг. При синагогах учредить еврейские больницы, богадельни, сиротские дома¹⁵⁴.

Итак, самоуверенно заключал Державин, «Евреев род строптивый... в сем своём печальном состоянии [рассеяны] получит образ благоустройства». А особенно – от просвещения: «Сей один пункт, ежели не ныне и не вдруг, то в последующие времена, по крайней мере чрез несколько поколений, неприметным образом даст плоды», и тогда евреи станут «российского престола прямыми подданными»¹⁵⁵.

Составляя своё «Мнение», Державин запрашивал и мнения кагалов – и уж никак не обрадовал их своими предложениями. В официальных ему ответах их отрицание было сдержанным: что «евреи способности и привычки к хлебопашеству не имеют и в законе своём находят к тому

¹⁵⁴ Державин, Т. 7, с. 292–330.

¹⁵⁵ Державин, Т. 7, с. 331.

препятствие»¹⁵⁶, «сверх нынешних их упражнений, никаких других способов, служащих к их продовольствию, не предвидят, и не имеют в том надобности, а желают остаться на прежнем положении»¹⁵⁷. Однако кагалы видели, что в этом докладе речь идёт о подрыве всей кагальной системы, о наложении контроля на доходы кагалов, – и стали оказывать всему в целом проекту Державина негласное, но сильное и долгое сопротивление.

Державин считал одним из проявлений того скорую жалобу на государево имя одной еврейки из Лиозно, что якобы на тамошнем винокуренном заводе он «смертельно бил её палкою, от чего она, будучи чревата, выкинула мёртвого младенца». И о том – началось расследование через Сенат. Державин же отвечал: «быв на том заводе с четверть часа, не токмо никакой жидовки не бил, но ниже в глаза не видал», – и дорывался быть принятым самим императором: «Пусть меня посадят в крепость, а я докажу глупость объявителя таких указов... Как вы могли... поверить такой сумасбродной и неистовой жалобе?» (Еврея, писавшего за женщину ту ложную жалобу, приговорили на год в смиренный дом, но через 2-3 месяца, уже при Александре, Державин, как он пишет, «исходатайствовал ему свободу из оногo».)¹⁵⁸

Убитый в марте 1801, Павел не успел принять по «Мнению» Державина никакого решения. Доклад этот «привёл в то время к меньшим практическим результатам, чем можно было ожидать, так как, благодаря перемене царствования, Державин потерял своё значение»¹⁵⁹.

Лишь в конце 1802 был составлен «Комитет о благоустроении евреев» – для рассмотрения «Мнения» Державина и выработки решений по нему. В Комитет вошли два близких Александру польских магната, кн. Адам Чарторыжский и гр. Северин Потоцкий, гр. Валерьян Зубов (обо всех трёх Державин примечает, что как раз они владели большими имениями в Польше и при выселении евреев из деревень «была бы знатная потеря их доходам», «частная польза помянутых вельмож перемогла государственную»¹⁶⁰), министр внутренних дел гр. Кочубей и только что назначенный министром юстиции (первым в русской истории) Державин; близкое участие принимал Михаил Сперанский. В комитет велено было пригласить еврейских депутатов ото всех губернских кагалов – и они были присланы, большей частью купцы 1-й гильдии. «Кроме того, членам комитета дано право избрать несколько лиц из известных им просвещённых и благонамеренных Евреев»¹⁶¹. В качестве таковых были приглашены уже известный Нота Ноткин, переселившийся из Белоруссии в Москву, затем в Петербург; петербургский откупщик Абрам Перетц, тесно друживший со Сперанским; близкие к Перетцу Лейба Невахович, Мендель Сатановер и ещё другие, – не все они бывали прямыми участниками заседаний, но значительно влияли на членов Комитета. (Интересно тут отметить, не будет другого места: сын Абрама Перетца Григорий был осуждён и сослан по делу декабристов – возможно, лишь за то, что обсуждал с Пестелем еврейский вопрос, не подозревая об их заговоре¹⁶², а внук был – российским государственным секретарём, весьма высокая должность. Невахович, из просветителей-гуманистов, но не космополит, а привязанный к русской культурной жизни, исключительное тогда явление среди евреев, издал в 1803 на русском «Вопль дочери иудейской», призывая русское общество помнить, что евреи стеснены в правах, внушая русским людям взгляд на евреев как на «соотчичей», чтобы русское общество приняло в свою среду евреев¹⁶³.)

¹⁵⁶ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 131.

¹⁵⁷ Державин, Т. 7, с. 289.

¹⁵⁸ Державин, Т. 6, с. 715–717.

¹⁵⁹ ЕЭ, Т. 2, с. 733.

¹⁶⁰ Державин, Т. 6, с. 766–767.

¹⁶¹ Державин, Т. 6, с. 761.

¹⁶² Л. Дейч. Роль евреев в русском революционном движении. 2-е изд. М.; Л.: ГИЗ, 1925. Т. 1, с. 8.

¹⁶³ ЕЭ, Т. 11, с. 622–623.

Комитет соглашался с тем, чтобы «приобщить [евреев] к общей гражданской жизни и общему образованию», «направить их... к производительному труду»¹⁶⁴; облегчить им торгово-промышленную деятельность; смягчить стеснения в праве передвижения и жительства; приучить перейти на немецкое платье, ибо «привычка к одежде, обречённой на презрение, усугубляет привычку к самому презрению»¹⁶⁵. Но острее всего встал вопрос о проживании евреев в деревнях с целью виноторговли. Ноткин «убеждал комитет оставить евреев на местах, приняв лишь меры против возможных злоупотреблений с их стороны»¹⁶⁶.

«Учреждение Комитета вызвало переполох в кагалах», – пишет Гессен. Чрезвычайное собрание их депутатов в Минске в 1802 постановило: «просить Государя нашего, да возвысится слава его, чтобы они [сановники] не делали у нас никаких нововведений». Решили послать особых ходатаев в Петербург, объявили для того сбор средств и даже трёхдневный общий еврейский пост, «тревога разлилась... по всей черте оседлости». Не говоря уже о грозящей высылке евреев из деревень, «кагалы, оберегая неприкосновенность внутреннего быта... отрицательно относились к вопросам культуры». И в ответ на главные статьи проекта «кагалы заявили, что вообще реформу нужно отложить на пятнадцать-двадцать лет»¹⁶⁷.

А по свидетельству Державина: «Тут пошли с их стороны, чтоб оставить их по-прежнему, разные происки. Между прочим г. Гурко, белорусский помещик, доставил Державину перехваченное им от кого-то в Белоруссии письмо, писанное от одного еврея к поверенному их в Петербурге, в котором сказано, что они на Державина, яко на гонителя, по всем кагалам в свете наложили херем, или проклятие, что они на подарки по сему делу собрали 1000000 и послали в Петербург, и просят приложить всевозможное старание о смене генерал-прокурора Державина, а ежели того не можно, то хотя покуситься на его жизнь... Польза же их состояла в том, чтоб не было им воспрещено по корчмам в деревнях продавать вино... А чтоб удобнее было продолжать дело», то будут доставлять «из чужих краёв от разных мест и людей мнения, каким образом лучше учредить Евреев», – и действительно, такие мнения, то на французском, то на немецком языке, стали в Комитет доставлять¹⁶⁸.

Между тем Нота Ноткин «стал центральной личностью организовавшейся тогда небольшой еврейской общины» Петербурга. В 1803 он «представил... в комитет записку, которой пытался парализовать влияние державинского проекта»¹⁶⁹. По словам же Державина, Ноткин «пришёл в один день к нему, и под видом доброжелательства, что ему одному, Державину, не перемочь всех его товарищей [по Комитету], которые все на стороне еврейской, – принял бы сто, а ежели мало, то и двести тысяч рублей, чтобы только был с прочими его сочленами согласен». Державин «решился о сем подкупе сказать Государю и подкрепить сию истину Гуркиным письмом», он «думал, что возымеют действие такие сильные доказательства, и Государь остережётся от людей, его окружающих и покровительствующих Жидов». Но после императора стало известно Сперанскому, а «Сперанский совсем был предан Жидам», и – «при первом собрании Еврейского комитета открылось мнение всех членов, чтоб оставить винную продажу... по-прежнему у Евреев»¹⁷⁰.

Державин – противился. Александр становился к нему всё холодней, вскоре (1803) и уволил с министра юстиции.

Впрочем, по «Запискам» Державина видно, что служил он – хоть на военной службе, хоть на светской – всегда слишком порывисто, пылко, и повсюду получал скорые отставки.

¹⁶⁴ ЕЭ, Т. 1, с. 798.

¹⁶⁵ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 148.

¹⁶⁶ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 153.

¹⁶⁷ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 139–140, 144–145.

¹⁶⁸ Державин, Т. 6, с. 762–763.

¹⁶⁹ ЕЭ, Т. 11, с. 801.

¹⁷⁰ Державин, Т. 6, с. 763–764.

Надо признать, Державин предвидел многое из того, что подымется в российско-еврейской проблеме ещё и во весь XIX век, хотя и не в тех неожиданных формах, как оно на самом деле произошло. Выражения его грубы, согласно его времени, но в плане его не было замысла угнетать евреев, напротив: открыть евреям пути более свободной и производительной жизни.

Глава 2

При Александре I

К концу 1804 «Комитет о благоустроении евреев» закончил свою работу выработкой «Положения о евреях» (известно как «Положение 1804 г.») – первый в России законодательный свод о евреях. Комитет объяснял, что видит целью своей перевести евреев в лучшее состояние и к путям полезной деятельности, «отворяя только путь к собственной их пользе... и удаляя всё, что с дороги сей совратить их может, не употребляя, впрочем, никакой власти»¹⁷¹. – Положение устанавливало принцип гражданского равноправия евреев (статья 42): «Все евреи, в России обитающие, вновь поселяющиеся или по коммерческим делам из других стран прибывающие, суть свободны и состоят под точным покровительством законов наравне с другими российскими подданными». (По комментарию проф. Градовского, в этой статье «нельзя не видеть стремления... слить этот народ со всем населением России».)¹⁷²

«Положение» открывало евреям больше возможностей, нежели первоначальные предложения Державина; так, при заведении текстильных и кожевенных фабрик, при переходе к сельскому хозяйству на неосвоенных землях предлагалась и государственная прямая помощь. Евреи получали право и приобретать землю – без крепостных крестьян на ней, но с правом использования наёмных рабочих-христиан. Давалось право евреям-фабрикантам, купцам и ремесленникам выезжать за пределы черты оседлости «на время по делам», чем ослаблялась недавно установившаяся «черта». (Отмена двойной подати в этом году ещё только обещалась, – но она и отпала вскоре затем.) Подтверждались все права евреев на неприкосновенность их собственности, личную свободу, свою особенную веру и свободу общинного устройства, – то есть кагальная организация была оставлена без значительных изменений (хотя это уже подрывало замысел влития еврейства во всероссийскую гражданственность), с прежним правом собирания податей, дающим кагалам столь неограниченную власть, – но без права увеличения своих сборов; и с запретом религиозных наказаний и проклятия (херема), – тем была дана свобода хасидам. В согласие с настойчивым желанием кагалов не был принят план учреждения общеобразовательных еврейских школ, но «все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах», причём никто из детей в тех школах не будет «ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может». А евреи, «кои способностями своими достигнут в университетах известных степеней отличия в медицине, хирургии, физике, математике и других знаниях, будут в оных признаваемы и производимы в университетские степени». Считалось необходимым усвоение евреями языка окружающей местности, перемена внешнего вида и присвоение фамильных имён. – Комитет заключал, что в других странах «нигде не было употреблено к сему средств более умеренных, более снисходительных и с пользами их [евреев] теснее соединённых». И Ю. И. Гессен соглашается, что российское Положение 1804 г. накладывало на евреев меньше ограничений, чем, например, прусский Регламент 1797 г. И особенно ещё при том, что евреи имели и сохраняли личную свободу, которой не имел многомиллионный массив крепостного крестьянства России¹⁷³. – «Положение 1804 г. относится к числу актов, проникнутых терпимостью»¹⁷⁴.

¹⁷¹ Ю. Гессен*. История еврейского народа в России (далее – Ю. Гессен): В 2 т. Л., 1925–1927. Т. 1, с. 149.

¹⁷² М. Ковалевский*. Равноправие евреев и его враги // Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. 3-е изд., доп., М.: Русское Общество для изучения еврейской жизни, 1916, с. 117.

¹⁷³ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 148–158; Еврейская Энциклопедия (далее – ЕЭ): В 16 т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1906–1913. Т. 1, с. 799–800.

¹⁷⁴ ЕЭ, Т. 13, с. 615.

Тогдашний распространённый журнал «Вестник Европы» писал: «„Александр знает, что пороки, еврейской нации приписываемые, суть необходимые следствия сего закоренелого угнетения, которое давит их в продолжение многих столетий“. Цель нового закона – дать государству полезных граждан, а евреям – отечество»¹⁷⁵.

Однако самый острый вопрос разрешался Положением не так, как соединённо хотели все евреи – и еврейское население, и депутаты кагалов, и еврейские сотрудники Комитета. В Положении стояло: «Никто из евреев... ни в какой деревне и селе не может содержать никаких аренд, шинков, кабаков и постоянных дворов, ни под своим, ни под чужим именем, ни продавать в них вина и даже жить в них»¹⁷⁶ – и предстояло совершенно удалить еврейское население из деревень в течение трёх лет, то есть к началу 1808. (Мы помним, что такая мера намечалась ещё при Павле в 1797, и прежде, чем возник проект Державина: не поголовное удаление евреев из деревень, но «чтобы численность еврейского населения в деревнях не превышала экономических сил крестьян, как производительного класса, было предложено лишь разредить евреев в уездных селениях»¹⁷⁷.) Теперь предполагалось обратить большинство евреев к земледельческому труду на пустующих землях черты оседлости, Новороссии, ещё губерний Астраханской и Кавказской, – с освобождением на 10 лет от платимой ныне подати, с правом «получать от казны на заведение заимообразную ссуду», начав возвращать её тоже через 10 льготных лет; а более состоятельным – предлагалось приобретать землю в личную и потомственную собственность с правом обработки её наёмными работниками¹⁷⁸.

Об отказе от виноторговли аргументировал Комитет: «Доколе отверст будет Евреям сей промысел... который, наконец, столь общему подвергает их самих нареканию, презрению и даже ненависти обывателей, дотоле общее негодование к ним не прекратится»¹⁷⁹. А между тем «„можно ли назвать меру сию [выселение из деревень] для них стеснительною, когда, вместе с тем, открывается евреям множество других способов не только содержать себя в безбедном состоянии, но делать приобретение – в земледелии, фабриках, ремёслах, когда вместе с сим открывается им способ даже владеть землею в собственность. Каким образом ограничением одной ветви промышленности может быть стеснён сей народ в таком государстве, где тысячи других для него отверсты“, где удобные к хлебопашеству и разным заведениям земли в губерниях плодородных и малонаселённых...?»¹⁸⁰.

Аргументы, кажется, весомые. Однако Гессен находит у Комитета «наивный взгляд... на природу экономической жизни народа... что экономические явления можно видоизменять чисто механическим способом, путём приказов»¹⁸¹. С еврейской стороны оценили намеченную высылку из деревень и запрет корчемного промысла, этого «векового занятия» евреев¹⁸², – как ужасное и жестокое решение. (И таким же – осуждала его и полвека и век спустя еврейская историография.)

По либеральным взглядам Александра I, его доброжелательному отношению к евреям, его изломчивому характеру, его ненастойчивой воле (вероятно, на всю жизнь подорванной вступлением на престол через насильственную смерть отца) – вряд ли провозглашённое выселение евреев из деревень состоялось бы энергично, не было бы растянуто даже и при спокойной государственной обстановке. А тут, почти сразу за Положением 1804 года, – замаячила война

¹⁷⁵ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 158–159.

¹⁷⁶ ЕЭ*, Т. 3, с. 79.

¹⁷⁷ Ю. Гессен, Т. 1, с. 128.

¹⁷⁸ В. Н. Никитин*. Евреи земледельцы: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807–1887 (далее – В. Н. Никитин). СПб., 1887, с. 6–7.

¹⁷⁹ Н. Н. Голицын. История русского законодательства о евреях. СПб., 1886. Т. 1: 1649–1825, с. 430.

¹⁸⁰ Н. Н. Голицын. История русского законодательства о евреях. Т. 1, с. 439–440.

¹⁸¹ Н. Н. Голицын. История русского законодательства о евреях. Т. 1, с. 439–440.

¹⁸² ЕЭ, Т. 3, с. 79.

с Наполеоном, началась на полях Европы, а тут и последовали благожелательные к евреям меры Наполеона, создавшего в Париже Синедрион из еврейских депутатов. «Всё еврейское дело приняло вдруг неожиданный оборот. Бонапарте учредил в Париже собрание Евреев, имевшее главной целью предоставить еврейской нации разные преимущества и образовать связи между Евреями, рассеянными по Европе». И в 1806 Александр I повелел составить новый комитет «для соображения, не нужно ли принять каких-нибудь особенных мер и отсрочить переселение Евреев»¹⁸³. Требовалось и от русского правительства никак не выставиться притеснителем евреев.

Назначенное в 1804 выселение евреев из деревень должно было начаться с 1808. Но выступили ещё и практические затруднения, и по ним в 1807 Александру I подавались докладные о необходимости отсрочить выселение. Тогда же был издан высочайший указ: «дозволить всем еврейским обществам... избрать депутатов и представить, посредством их... о способах, кои сами они признают более удобными к успешнейшему исполнению мер, в Положении 9 декабря 1804 г. изображённых». Выборы таких еврейских депутатов по западным губерниям состоялись, и их отзывы были представлены в Петербург. «Депутаты, конечно, высказались за то, чтобы выселение было отложено на долгий срок». (Тут ещё то было соображение, что в деревнях шинкари имели бесплатные квартиры от помещиков, а в местечках и городах за них придётся платить.) А министр внутренних дел докладывал, что для переселения евреев из нынешнего деревенского жительствова на казённые земли «потребно несколько десятков лет, по чрезмерному их [евреев] количеству»¹⁸⁴

---

¹⁸³ [Г.Р.] *Державин*. Сочинения: В 9 т. / С объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е Академическое изд. СПб., 1864–1883. Т. 6, с. 761–762.

¹⁸⁴ Ю. Гессен*, Т. 1, с. 163–165.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.